

Андрей ФАРУТИН

г.Петрозаводск

Книга первая
СЕВЕРНЫЕ ЗАВЕТЫ

Часть вторая
А Божие — Богу...

Бесовы следки

Яростное июньское солнце нещадно слепило глаза. Настоянный на жаре воздух пьянил духмяном летнего разнотравья. Вокруг телеги вились тучи мошкары, комаров и слепней, от которых приходилось постоянно отмахиваться густыми березовыми ветками. Но правивший лошадей Тимофей Тверянин, шустрый мужичок с кучей, поседевшей бородёнкой и высохшей левой рукой, казалось, совсем не замечал приставаний надоедливой гнуса. То ли привык уже к нему за годы жизни в глухой Даниловской пустыни, то ли надёжно прикрылся кукелем — плотным башлыком с прикрывавшей лицо тонкой сеткой из конского волоса, то ли содержимое его тщедушного тела вовсе не по нраву пришлось привередливым таёжным кровососам, которые, напротив, с удовольствием набросились на свеженьких вологодских гостей — Илюху Белозерского и Ваньку Воронцова, отлёживавших бока на устилавшей дно телеги копне душистого сена.

— Дядька Тимоха, а у вас в Данилове бесы водятся? — нарушил затянувшееся молчание уставший от долгой немоты Ванька.

— Фу-ты ну-ты, эка сказанул! С чего вдруг про бесовщину вспомнил? Господи, спаси и сохрани! — двуперстно перекрестившись, откликнулся удивлённый возница.

— Ну как же, дядька Тимоха, знаю дело! На святых местах бесы обязательно праведников искушать должны. Как подвижников греческого Афона... Мне монахи в Кириллове так сказывали.

— Не приведи Господи, фу-ты ну-ты! Хотя почём мне знать, праведников, може,

Историко-литературный журнал
«Север»

Журнальный сайт

поболе искушают. Тех же большаков наших — Данилу Викулина, Андрея и Симеона Денисовых, Петра Прокопьева, соловецкого священноинока Пафнутия... Може, ещё кого из братии. Так они на то и праведные... Нам-то, многогрешным, до них не дотянуться. Посему сравниться с ними не приходится в противоборстве духовным искусам.

— Значит, — не унимался Ванька, — искушения всё же случается испытывать?

— Как же без того — при худом-то житье! Постой-ка, был у нас пару лет назад случай такой испытательный... Кажись, как раз когда на Москве новое летоисчисление царь ввёл. Года те выдались зяблые, урожай на корню сгиб, зерна вовсе не осталось... Дабы прокормиться, приходилось солому на мельне подолгу толочь для добавки к малой толике муки. Но то ж не ахти сытная пища. А у нас уж тогда мамки с детишками в округе появились. Опасались они деток своих с голодухи поморить, вот и поддались от скудости бесовским искушениям. Стали редко попадавший в обитель хлебушек от других утаивать, а то и запретное мяско где-то приворовывать. Оттого впрямь случились страсти-напасти. Сказывали, — припоминал Тимоха, — что одна праведная старица, слёгшая в келии по болезни, понеже пропускавшая церковную службу, въявь увидела, как сонмища бесов пытались ворваться прямо в святую часовню, где сёстры молились... Но благодаря великой силе общей благодатной молитвы и крепкому заступничеству Царицы Небесной всю бесовщину оттуда огнём отжигало и прочь отбрасывало...

— И ты сие видел?! — выпалил юный послушник.

— Врать, Ваня, не буду. Меня те жуткие видения миновали. Однако Андрей Дионисевич после сказывал, что ему голос был от образа Пресвятой Богородицы. Божия Матерь заверила, что заступничество Господа оборонило монастырь от бесовского наваждения, но, дабы оно не повторялось, надобно всем насельникам крепость веры блюсти.

— А самому тебе, дядька Тимоха, неужли с нечистыми духами сталкиваться не доводилось?

— Так ты, Ванька, что ль, про водно-лесную нечисть толкуешь? — переспросил возница. — Фу-ты ну-ты! Уж энтой погани в окрестных су-

зёмках хватает. Войдёшь в лес, а там — бес. Бродит, колодит — в чашу уводит. Верно говорю: то лешак по корбам грибников блудит, то водяник на Выге шибко балует. Особливо на Выговском озере хозяин вредный живёт. Ненароком утопить может и живность всяку, ежли та на водопое оступится... И рыба-разиню тож... Это когда бесу, ироду проклятому, новый работник на глубинных его промыслах занадобится... Да с чего ж ты, Ванюха, такими быличками интересуешься? Напел, что ль, тебе кто-то про наши непролазные гиблые дебри?

— Знамо дело, кой-что сказывали. Но я так любопытствую... Просто чтоб готовым быть к встречам непредвиденным. А то не угадаешь: где упадёшь, где встанешь...

— Ваня в ваших палестинах до скончания века намерен остаться и умереть праведником, — не удержался от подначки приятеля Илья. — И я догадываюсь, с чего у него мысли тревожные возникли. Мы же по пути сюда на чёртовы скалы заглядывали. Вот там его, видать, всякая чертовщина и застрашала...

Случилось так, что Тимофея Тверянина загода послали из Данилова, чтобы перехватить шедшую из Вяньги сойму с зерном. Большаки наставили привести её в потаённую бухту Пигматки, где староверы протянули в озеро наваленный из камней удобный причал. Насельники обители всерьёз встревожились в ожидании опаздывавшего сверх меры драгоценного груза. А тут не ко времени на Выговский край обрушилась новая напасть. На северном побережье Онежского озера вдруг появились петровские солдаты-преображенцы во главе с сержантом Михайлой Щепотевым и писарем Ипатом Мухановым. По округе разнёсся слух, что царёвы слуги сгоняют отовсюду народ на строительство какой-то дороги через леса и болота, реквизируют требуемые для строительных работ инструменты, лошадей, подводы, карбасы и соймы, а также запасы продовольствия на прокормление воинской команды и мобилизованных работников. Чтобы долгожданное даниловское добро не попало в руки антихристово воинства, предусмотрительный Андрей Денисов решил спрятать его в тайнике, устроенном для таких случаев в леске над заливчиком, неподалёку от малодворной деревни Лобской.

Тимоха проскочил туда по таёжным тропам и

на юркой озёрной соемке добрался до острова Хед, где двое суток караулил появление парусов знакомого ему судёнышка. Как раз вовремя их увидел, чтобы предупредить намерение кормщика Корнея Матвеева зайти на ночёвку в гавань возле деревни Чёлмужи. Успел выплыть наперерез сворачивавшей туда сойме. Объяснил мореходам, что в обжитых местах им нынче лучше не мозолить глаза чужим людям. Подсказал, что надобно поскорее миновать нежилой Салостров, и к ночи вывел спутников к укромной Пигматской стоянке. Здесь они споро разгрузили мешки с зерном в обустроенную для его хранения неприемную снаружи землянку. Кораблик, поднатужившись всем скопом, тоже вытянули подальше в кустарник, завалили его набок и, сняв паруса, надёжно замаскировали ветками.

После окончания трудов развели костерок на глухой лесной полянке, сварили в котелке ушицу, дозволительную в иные деньки Петровского поста, а уж за поздней трапезой прибывшие в подробностях объяснили Тимохе причины непредвиденной задержки плавания. Рассказали и об отсрочившем выход в озеро суровом майском шторме, и о затянувшемся устранении случившихся во время бури поломок, и о трехсуточном пережидании в устье Водлы под Шалой застигнутого их в пути нового ненастья, поднявшего на Онего-батюшке опасную волну... Ну и, конечно, о том недолгом отвороте к знаменитому чудными наскальными знаками побережью...

После ночёвки в устье Гакугсы Илья, прослышав, что в районе мыса Бесов Нос есть диковинные рисунки, выбитые на камнях древними людьми, уговорил кормщика Матвеева сделать в том месте короткую остановку. Обычно проскакивавшие этот пустынный берег с попутным ветром мореходы сами поддались искушению своими глазами взглянуть наконец на оставленные на поверхности ровных скалистых плит таинственные знаки, позже прозванные в народе бесовыми следками. Даже заспорили меж собой о некоторых изображениях, их назначении и происхождении. Иные тёмные вытегорские мужики, с детства слышавшие про этот странный берег нелепые поверья, с суеверным страхом впрямь убеждали Илью, Ваню и Григория Фомина, что над столь необычными творениями порадела именно нечистая сила.

— Сами посудите, сколько ж человеку терпения треба — камнем по камню выбивать какую-нибудь утку или лося, или рыбину. То же твердочая скала! Месяцы, а то и годы нужны, чтоб сделать рисунки-сколы! А спрашивается: зачем? — не унимался особенно сомневавшийся в таланте неведомых предков Ерёма Гриднев. — Точно, невесть для чего бесы тута наследили! Да ещё, вишь, фигуру самого чёрта на расщелине утвердили. Не зря муромские монаси по нему потом крест святой выбили. Так уж его крепенько пригвоздили, дабы он из глубин земных больше никогда не вылез здесь.

— Дуришь ты, Ерёмка. Сам ить уверяешь, что обычному человеку на таком твердом камне скол сделать затруднительно. Почему же монахам сие оказалось под силу, а другим людям нет? — решительно отметал суеверные выдумки трезво мыслящий Корней Матвеев. — Я вот слыхал, что прежде жившие на сих берегах лопские шаманы отображали так значимые для них приметы окружающего мира. Быть может, для знакомого им одним оберега какого секретного или ради приманивания лучшей удачи на промыслах.

— А вот тут, наверное, про рыбалку рисунки. Видите, очень похоже на большую лодку с гребцами. И вон рядом как раз рыбка желанная, — тоже пытался рационально объяснить наскальные сюжеты увлечшийся их разглядыванием Илья. — Просто в те стародавние времена у местных мастеров ещё не было ни холстов, ни кистей, ни красок. Вот им и пришлось память о себе в камне выбивать.

— Есть и другое объяснение сих творений, — Корней повернулся лопатистой бородой в сторону озера и, протянув руку вдаль, добавил: — Люди баяли, что там, ближе к Заонежью, есть заветный островок, на котором лопь лешая хорошила своих усопших родичей. И отправляли их в последний путь на лодках будто бы как раз отсюда, с этих самых местечек... Тогда получается, что сии сколы вроде прощальных знаков оставлены. Значится, чтоб души предков, подлетая к берегу, своё прошлое вспомнили, но за грань сию в настоящее не переступали и понапрасну не тревожили живых.

— Свят, свят, свят! — испуганно оглядываясь, торопливо крестил себя Ванюха, словно вокруг него в эти мгновения целым роем вихрились не-

видимые души покойников, обиженных на то, что никак не могут перейти запретную, заговорённую шаманами, зачарованную черту между миром живых и мёртвых.

Пожалуй, именно с того дня поселилось в его юном сердце чувство тревожного ожидания неизвестных и, вероятно, опасных событий, кои непременно могут произойти с ним самим в этом таинственном, совсем незнакомом ему таёжном краю, где столь чудны были обычаи населявшей его прежде чуди, лопи и веси.

Наказ сержанта Щепотева

С утра пораньше Тверянин попытался провести телегу с сопровождавшими его юными седоками по лесной дороге на северо-восток, от Лобской напрямик к Данилову. Однако вскоре путников остановил караул из пары солдат и четырёх приданных им местных мужиков. Показанная Ильёй грамота Бурмистерской палаты оборонила попутчиков от грубого обращения с ними, но стала лишь пропуском к суровому сержанту Щепотеву, молва о строгостях которого бежала в народе далеко впереди него. Выделенный для сопровождения задержанных солдатик доставил их в Повенецкий рядок, довёз до большой избы, стоявшей прямо над заливом, и объяснил караулившему у дверей часовому, что решение по столь щекотливой ситуации может взять на себя только начальство. Тот доложил по команде, после чего некоторое время спустя внутрь позвали одного Илью.

В просторной горнице за широким столом сидели оба царских порученца, к концу июня добравшиеся сюда от берега Онежского залива Беломорья. По пути они провели разведку будущей трассы, расчистка которой была им поручена самим государем и его первым министром, адмиралом и фельдмаршалом Головиным. Сержант бомбардирской роты Преображенского полка Михаил Щепотев в расстегнутом от жары мундире склонился над самодельной картой и, показывая на ней пунктиром нанесенный маршрут, убеждённо доказывал Ипату Муханову его преимущества над тем вариантом прокладки тайной дороги, который поначалу отстаивал полковой писарь.

— Смотри сам, Ипат, тут же путь удобнее будет и короче, почитай, вдвое, а то и втрое! Ты там как хотел? От Усть-Онежского погоста до Каргополя с последующим поворотом на Вытегру? Почти без всякой возможности пересадки войска на суда, которую даёт раздольное Онежское озеро. Пришлось бы на три-четыре сотни вёрст больше пёхом идти по буеракам нехоженым... От самого Белого моря да по дремучей тайге... Где б ты нужных людей нашёл, чтоб просеки рубить, гати да мосты стелить?

— Конечно, здесь ты будто поболее народу сыщешь, — отмахнулся от упрёка писарь, обиженный тем, что предложенный им проект был решительно отвергнут самим царём.

— А вот сыщу! — твёрдо рубанул Щепотев. — Пять-шесть тысяч работников для нашей затеи сполна хватит.

— Откуда ж ты, Михайло, столько душ наберёшь? Чай, тоже места малолюдные...

— Тут главное, как дело сладить, — уверенно отвечал сержант. — Если чистить дорогу с двух концов, навстречу друг другу, то на отдельные половинки мужички найдутся. На севере согнем их из Кемского городка, с Сумского Острога и других поморских сёл... Там приписанных к ним вотчинников поставят Соловецкий и Крестный Онежский монастыри. Потом в подмогу им наши дюжие гвардейцы поспеют. На южный участок по моим указаниям, загодя отосланным воеводам и старостам, уже двигаются олонецкие, вытегорские, пудожские, каргопольские крестьяне... Аж от Белозера ожидаются умелые лесорубы со своим инструментом и подводами... А можно ещё хитрее сделать — поручить отдельные отрезки просек, гати и переправы общинам тех селений, кои стоят вблизи маршрута. Только для того по нему надобно снова пройти самому, подстегнуть старост и наладить надёжную связь со всеми опорными точками.

— Нашему телятке да волка б съести! — поддел Ипат. — Всё у тебя, Михайло, легко получается. А ты не думаешь, что половина отправленных тебе мужиков до нас не дойдёт вовсе, а другая половина тут по лесам разбежится?

— Ужо я им разбежусь! Сам злее волкодава стану, чтоб никто из моего стада не пропал. Всех под неусыпную стражу поставлю. Беглых имать

будем и наказывать нещадно... Хоть кнутом, но заставлю работать. Поверь мне на слово, Ипатушка. Указ государя, что Пётр Алексеевич нам дал 8-го июня в Архангельске, я выполню в срок. Такую добротную дороженьку проложу от Беломорья до Онего — со столбовой сравнится!

— Как не поверить? На то тебя старшим и поставили. Рука у тебя впрямь тяжёлая и норов крутой, — Муханов взглянул на напарника с нескрываемым испугом и быстро спрятал глаза, зашевелил губами, будто перечитывая данную им на руки канцлером Головиным наказную память, которую на самом деле знал почти наизусть. Потом, мысленно зацепившись за какие-то строчки, решился вяло продолжить обсуждение поставленных перед ними задач: — О надёжной связи ты, Михаил Иванович, верно сказал. Нам же указано по всей дороге поставить в тридцати верстах друг от друга почтовые ямы для смены лошадей и скорой передачи депеш в оба конца — от Новгорода до Архангельска. Но уж больно строги требования к устройству сей почтовой гоньбы по таёжным просторам. Ведь говорено в наказе: чтоб почтари наши «были денно и ночью всегда в готовности безотступно и гоняли б с почтою в оба пути перемена до перемены наскоро денно и ночью с великим поспешанием вёрст по десяти и по 15-ти в час, а водяным путём как бы наискорое, не мешкая нигде ни за чем, и перемена у перемены почтовые сумы с писмами принимали с росписками, описывая имянно на подорожной часы, в котором та почта куда прибежит или отпуститца». Мыслимо ли в здешней глухомани сию скорость достичь?..

— Наше дело — потребное число почтарей и крепких лошадок на опорные ямы поставить. А уж за скорость пушай гонцы сами головой отвечают. Всеми обстоятельствами я сам скоро займусь, когда пойду обратно до Нюхчи. А ты уж тут, Ипат Калинович, собирай поболее судёнышек для перевозки войска по Онего-озеру. Об остальном не печалуйся. Устройство и расчистку дороги беру на себя! — отрубил наконец суровый сержант.

— Хорошо, допустим, сладим мы сию осудареву дорогу так, как нам велено: чтоб не было «через те переволоки каких непроходимых болот и топей и великих грязей». То бишь, насколько возможно, удобство и скорость перед-

вижения воинской колонны по тайге мы обеспечим. Однако вот какое сомнение меня грызёт, — витиевато добивался ясности писарь. — Удастся ли нам скрытность сей стройки сохранить — с тем-то шумом, который окрест поднялся? Ведь как нам наказано: чтоб мы в дорожном управлении «от неприятельских людей жили б везде в осторожности». Да ещё под страхом смертной казни...

— Тут опасаться нечего! — без колебаний развеял опасения напарника Щепотев. — В посланиях местным начальникам я не сообщал цель созыва работников. А отсюда до свейской границы такие глухие края тянутся, что их за лето не пройдёшь, заплутаешь в дебрях, утонешь в топях... Да и караулы крепкие у меня кругом выставлены — мышь не проскочит. Сюда пушай кто угодно заходит. Но отсюда никого не выпущу. Всякого на зуб проверю, как того купчишку, который нынче моему дозору попался. А ну, караульный, запуская вологжанина!

Илья постарался войти степенно, уважительно поклонился в пояс, как учил его отец, чтобы расположить к себе встречное начальство, представился полным именем и протянул охранную грамоту хмурому сержанту, в котором распознал старшего.

— Что ж, будь здоров, Илья Павлович, — сквозь зубы ответил урядник на приветствие вошедшего, цепко вглядываясь в его добротный наряд и свойственные купеческому сословию манеры. — По правде сказать, что-то слишком молод ты для купца. И, как погляжу, без всякого товара в сих местах оказался. Ну-ка, Ипат Калинович, проверь его бумажку — не поддельная ли...

— Всё честь по чести оформлено, — разглядывая гербовый лист, ответил Муханов. — И печать стоит подлинная, и собственноручную подпись президента Бурмистерской палаты Митрофана Шорина узнаю.

— За какую же надобностью во время войны, в неярмарочную пору молодой да ещё порожний вологодский купец в приграничную глушь забрался? — приступил к допросу въедливый сержант.

— Батюшка Павел Ерофеич послал меня с младшим братишкой Иваном ради освоения науки купецкой на пригляд ценных северных товаров. Для их оценки и сговора о будущих

покупках, — выложил Илья загодя придуманную легенду.

— Что же тут ценного твой батюшка найти желает?

— Да ту же рухлядь пушную, кожи крепкие, медь чистую, добрую рыбку к зиме, коей ещё мой дедушка Ерофей Кирилыч с хорошим барышом торговал...

Ипат Муханов при перечислении купецких интересов согласно кивал головой, словно подтверждая, что всё это в Выговском краю есть в достатке и действительно может найти спрос в Вологде.

— Добро. А как же ты сюда добирался? Неужто на телеге от самой Вологды? — понимая одобрительные кивки напарника, чуть милостивее, но с затаённым подвохом спросил Щепотев.

— Куда там! От нас сюды надёжного пути посуху нетути. К тому ж ни лошадь, ни телега этикие переходы не выдюжат, — догадавшись о расставленной ловушке, подыграл не отличавшемуся особой хитростью прямодушному сержанту уверившийся в благополучном исходе дела Илюха. — От устья Вытегры до Водлы мы шли на сойме с шальскими рыбаками. А повозку с провожатым уже там наняли.

— И куда же вас провожатый провожает? По всей округе, кроме торговой Шуньги да раскольного гнезда в Данилове, других мест для оптовых закупок не сыщется. В Шуньге ярмарка закрылась давно. Значит, направляетесь вы к опальным раскольщикам, на пути к коим вас и задержали мои орлы... Так?

— От вас, господин офицер, ничего не утаишь. Но в чём же грех наш? Как говорит мой батюшка, деньги запаха не имеют, — прикинувшись простаком, молодой купец ненароком польстил самолюбию сержанта, мечтавшего дослужиться до офицерского чина, как это получилось у ловкого царёва любимца Алексашки Меншикова или у того же простолюдина Сашки Ладогина, всего два года назад ходившего в звании семёновского капрала, а совсем недавно вдруг перескочившего в капитаны.

— Ладно, купчик, бог с тобой! Похоже, ты не врёшь. Хоть всяк про правду трубит, да не всяк правду любит. Сейчас твоя правда — самое главное, — удовлетворённо хмыкнул Щепотев, возвращая Илье грамоту. — А что до ваших

бунтарей-староверов, то я бы их всех калёным железом повыжег. Удивляюсь, почему государь наш с ними нянькается.

— Я слышал, что у Петра Алексеевича есть особые виды на вовлечение даниловских раскольников в работы по поиску здешних руд и литью пушек на заонежских заводах Бутенантов, кои государь подумывает в казну взять, — вставил слово Муханов.

— Меня сие не касается. Хотя ты, Илья Павлович, как раз службу нам сослужишь, — Щепотев смекнул, что купца можно использовать в роли посланника. — Доберёшься до обители и скажешь общинникам, чтобы снарядили ко мне своего человека. Пока суд да дело, мне их рабочие руки понадобятся. Только пусть твой провожатый вас с братом туда теперь пешочком доставляет. Лошадь и телегу я всё ж у тебя реквизирую на государевы требы. Не обессудь. И благодарю Бога, что целы остались. Почуял бы, что вы свейские лазутчики, батогами б забил, шкуры спустил, в железа заковал... А так гуляйте пока, до новой встречи. Ведь обратно вы мимо моих солдатиков тоже не выскользнете.

Выгорецкая республика

Получив от писаря Муханова пропуск на свободное прохождение мимо караулов и поудобнее приладив на спинах захваченные из телеги заплечные мешки с пожитками, Илья и его спутники двинулись дальше пешком. Тимофей Тверянин шагал впереди, не выказывая никакого уныния. Он, казалось, ничуть не сожалел об оставленных в Повенецком рядке лошади и телеге. Напротив, уверял, что такой вариант был предусмотрен дальновидным большаком Андреем Денисовым.

— Ну, скажу откровенно, легко мы нонче отделились, фу-ты ну-ты! — сбросив напряжение от ожиданий непредсказуемого поворота в судьбе под солдатской стражей, радостно лепетал Тимоха. — А то у меня там, во дворе, душа в пятки ушла, пока тебя, Илья Павлович, Щепотев-ирод допрашивал. Он едва у нас появился, но о его жестокостях уж земля слухами полнится. С ним всего-то 16 солдатиков, а сколько бед успели натворить! На Онежском

берегу высекли розгами рыбарей, кои свой карбас отдавать не восхотели. В попутном таёжном углу скитников батогами пришибли за то, что те отказывались в лесные работы впрягаться. В другой деревушке всех справных мужиков и лошадей повыгребли, да так, что кормильцев родимых багинетами острыми в бока тыкали. Ой, наплачется ещё от такого крутого начальника наш лесной народишко...

— Как бы самим даниловцам от него горько всплакнуть не пришлось! Щепотев поручил мне вас тоже к нему, не мешкая, хоть на аркане привести, — поведал Илья о разговоре с грозным преображенцем.

— Фу-ты ну-ты, колья гнуты! Прямо не знаю, как братия отнесётся к сим антихристовым угрозам, — посуровев от недовольства, зафыркал Тимоха. — Ить от беды этакой крутой раздрай среди пустынников зачнётся. Со страху люди могут удумать разбежаться по тайге или гарь учинить в самой обители. Жили себе тихо, никому не мешали, да надо ж такому случиться, царь к нам солдат послал, чтоб привыкший к вольной жизни народ закабалить. Да слышал, сам сюда собирается пожаловать. Вестимо, что на нас у антихристовых слуг припасено: токмо кнут да хомут. Прежде-то от подобных известий точно бы палёным мясом запахло. А ноне вроде жалко с насиженного места срываться. Общинная жизнь едва наладилась. Поглядим, как там большаки решат...

К обители дошли в сгустившихся сумерках. Белой ночи и след простыл — весь небосклон перекрыли набухавшие близким ливнем тёмные тучи. Выдавшийся излишне жарким день обещал разродиться суровой грозой.

Перейдя по мостику впадавшую в Выг речонку Сосновку, которая заодно играла роль глубокого крепостного рва, ведомые Тимохой уставшие путники сторожко пошли вверх по скользкой тропе к бревенчатой монастырской ограде, не замечая начинавшейся мороси, предвещавшей скорую бурю.

— Кого там нелёгкая принесла в этакое ненастье? — послышался из-за стены строгий голос сторожа, когда Тверянин постучал прихваченной по дороге палкой в знакомую ему калитку, обитую горбылём и оттого сливавшуюся с фоном соседствовавших брёвен.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистыя Твоя Матери и всех святых, помилуй нас. Аминь, — громко ответил Тимофей короткой молитвой, свидетельствуя о том, что пришедшие знают принятый в староверской пустыни порядок пропуска. — Это я, Тимофей Тверянин, привёл к большакам вологодских гостей. Открывай скорее, фу-ты ну-ты, пока, глядишь, полный дождь не ливанул.

Даниловский страж, откинув тяжёлый засов, со скрипом потянул на себя дверцу и, узнав знакомого проводника, широко распахнул ему навстречу объятья:

— Здрав буди, брат мой Тимофей Фугынугыч! Мы тебя заждались. Какие скорбные вести принёс? Что в миру антихристовом деется? Не пора ли нам в чистые саваны обряжаться и готовить себя к вознесению на небеса?

— И тебе, Кузьма Стражник-сермяжник, доброго здоровьичка желаю на многие лета. С вознесением ты не поспедай, малёк пожди, пока небо грозой не прочистит да большаки своё слово не скажут, — крепко обнимаясь со знакомцем, в тон ему ответил Тверянин. — Новости у меня хоть не шибко хорошие, но до смерти с ними потерпеть можно. А уж когда дойдёт до нас беда, сам откроешь ворота. Скажи лучше, у себя ли в келье Андрей Дионисевич? Нам бы первым делом ему доложиться надоть. И про вологодский груз, и про царёвых слуг, кои в Данилов тоже весточку послали. Фу-ты ну-ты, колья гнуты, чтоб они под землю провалились со своими фузеями и багинетами... Житья от них никакого нету простому люду... Где ж нам, Кузьма, большаков искать?

— Да они третью ночь кряду у Данилы Викулича запираются. Всё мыслят, как от нагрянувшей напасти избавиться. Ступайте прямо туда. Ко времени с вестями поспели.

Прибывшие двинулись к центру городища, ориентируясь в потёмках на высокую часовню, возле которой в двухэтажном бревенчатом доме располагалась келья киновиарха Выговского общежительства. Широкая улица шла между рядами изб и других жилых построек, которые назывались «келиями», хотя фактически были настолько обширными бараками, что в них размещалось по десятку и более общинников мужского пола. За ними ближе к оградкам стоя-

ли сараи, амбары и риги, кузня и конный двор, меднолитейная, столярная, кожевенная, портняжная, чоботная и другие мастерские. Центральные здания почти сплошь были строены в два, а то и в три этажа. Кроме жилых помещений, там располагались школа, больница, богадельня, светлицы иконописцев и переписчиков книг, архивы рукописей, хранилища книг, склады для ценных материалов и изготовленных даниловскими умельцами товаров.

Собравшиеся вместе после полуночной церковной службы бородачи-большаки, впустив в полутёмную горенку гостей, несказанно им обрадовались, заметно оживились, запалили для большего света пару новых лучин на поставцах. Сведения о схороненном в надёжном месте зерне их успокоили, а вот рассказ Ильи о разговоре со Щепотевым снова вызвал незадолго перед тем утихший спор о дальнейших действиях общинников. Окончательное решение зависело именно от них — от головки обители, избиравшейся всеми прибывшими к Даниловскому монастырю беспоповцами. За утвердившийся порядок выборности старшин как раз и стали потом называть родившийся в карельской тайге феномен староверской киновии Выгорецкой республикой. Киновиярхом, то есть главой её, почитался Данила Викулин, получивший бразды духовного правления единоверцами с благословения помогавших ему в устройении обители старцев-пустынножителей — игумена Досифея с Тихвино-Никола беседного монастыря, соловецкого чёрного дьякона Игнатия, священноиноков Корнилия и Виталия.

С виду Даниил был тщедушен, светловолос, седобород и оказался постарше сотоварищей. Он ранее получил духовное звание дьячка, а потому лучше других знал порядок ведения церковных служб, последующее изменение которого у беспоповцев всё-таки опиралось на незыблемые каноны древлеотеческого православия. Его авторитет в канонических вопросах и впредь оставался незыблем.

Деятельный Андрей Денисов в ту пору отвечал за обширное монастырское хозяйство. Верховным большаком его избрали как раз после судьбоносных событий, случившихся летом 1702 года. Его младший брат Симеон средним ростом и худощавым сложением, курчавой русоволо-

состью и светлыми очами походил на него, но от долгого сидения над книгами заметнее горбился. Денисовы прославились как теоретики древлего благочестия, известны были блестящими книжными трудами и ораторским даром.

Четвёртый основатель Выговской пустыни — длиннородый Пётр Прокопьев, с виду тихий молодой мужчина со слезящимися глазами, отвечал в Данилове за регламентацию хозяйства и церковного быта в строгом соответствии с древним уставом первых христиан. Он также зорко надзирал за обучением братии грамоте и церковному пению, за исполнением всех мелочей установленных порядков, отчего получил уважительное прозвище «бодрое око».

— Хоть ты помоги разрешить наши сомнения, Илья Павлович, — обратился к вологодскому купцу Андрей Денисов, угощая проголодавшихся в дороге гостей свежее испечённым хлебом, пареной репой и клюквенным морсом. — Великая боязнь вселилась в сердца насельников обители с известиями о пришествии в окрестный сузёмок антихристовых слуг и скором ожидании прибытия сюда самого царя Петра. Переданное тобой послание от жестокосердного урядника Щепотева страхи сии только усугубляет...

— По примеру праведных старцев люди наши готовы пострадать за устои древлего благочестия и уже настоятельно требуют собрать в часовне смольё и солому, дабы скорее предаться очистительной огненной смерти, — печально добавил Симеон.

— И нам пришла пора решить, действительно ли сей путь спасительный и богоугодный, еже во время нужды ради благочестивыя нашея христианския веры от гонителей смерти предавати самих себя во огонь или в воду, или инако? — поставил тревоживший всех вопрос велеречивый Данила Викулич.

— Ещё вёсен восемь назад, когда пустынь сия нашими усилиями только зачиналась, иного выбора у нас бы вовсе не было. В ту пору единоверцы наши без всяких колебаний избирали в похожих обстоятельствах огненное чистилище, — согласился Пётр Прокопьев, моргая слезившимися глазами. — Но ить за время минувшее обитель наша зело окрепла, будучи не слишком тревожима извне антихристовыми силами. Вот и возник у нас соб-

лазн построить царствие Божие на сей скудной земле параллельно грешному внешнему миру... И тут нам важно уяснить, не покусится ли государь на устои нашей веры, ради коей мы готовы принять мученические страдания. Всё иное мы и впредь вынесем с терпением.

— Ты, Илия, царя Петра в Вологде, наверно, видел. Или всяко слышал, что о нём народ говорит. Поделись с нами своими наблюдениями. Как сам мыслишь, что нам от него ожидать мочно? — прямо спросил Андрей Дионисьевич.

Белозерский рассказал большакам свои впечатления о памятных игрищах Петра с вологодскими канатчиками в Козленской слободе, о послышавшихся в его словах послабления старовеерам, о его непривычных для русского государя трудовых навыках и нарочито демонстрируемом им уважении к мастерству всякого простолюдина.

— Словом, царя я видел вблизи почти как вас, — старался успокоить даниловцев Илья. — И колленки у меня ничуть от страха не задрожали. Хотя поговаривают, что бывает он зело грозен и жесток с нерадивыми, ленивыми, никчемными людишками. Да и Ваньку нашего он тогда изрядно напугал своей дымной трубкой с вонючим табачищем... Но вот что я понял: главное для него — успешное исполнение задуманного им дела. А для дел его требуются способные исполнители, независимо от их происхождения и вероисповедания. Углядел я в его окружении и западных лютеран, и мусульманских восточных князьков... Может, есть там и тайные сторонники древнего благочестия. К вам, думаю, царь Пётр тоже чисто деловой интерес имеет, о котором писарь Муханов в Повенце проговорился. На содействие железодельным заводам, похоже, вас нацелить собираются. Посему не спешили бы раньше времени костры жечь. Сначала не помешает самим доподлинно всё выведать. А уж там пусть будет как Бог даст.

— Спаси ты, Господи! Успокоил ты нас, брат Илия. Пушай и впрямь страшат шуку, что в воде утопят. Мы, признаться, к тому ж решению склонялись, но нам убедительные доводы для братии надобны, — удовлетворённо вздохнув, взял на себя ответственность за подведение итогов беседы Андрей Денисов, чаще других выезжавший из обители во внешний мир,

более привыкший к его переменам, а потому уверившийся по многим приметам, что на приемлемых даниловцам условиях сосуществовать с ним вполне возможно. — А насчёт скорого возвращения в Вологду с нашим товаром тебе, Илья Павлович, придётся надолго позабыть. Сам понимаешь, пока царь Пётр тут со своим войском воевать свеев не прошествует, пока обстановка не утихнет, с обозом обратно не проскочишь. Лошадей, телеги, сойму — всё заберут солдатики на нужды царёва похода. Но не горюй, Бог не выдаст — свиньи не скушают. Ты и здесь вере нашей послужишь. Прослышав известия из наших краёв, батюшка твой Павел Ерофеич тоже поймёт причины задержки. Посему побудь пока в пустыни, приглядись к нашему житию да нам помогай.

Вдруг вспышка молнии прорезала ярким зигзагом тёмное небо за слюдяным оконцем. Следом послышались раскаты близкого грома, словно домовый на чердаке опрокинул сразу несколько тяжелых шкафов, отчего в самой горнице задрожали пол и стены. Сидевшие кружком вокруг стола беспоповцы, давно ожидавшие начала грозы, перекрестились дружно, но без видимого испуга. А Андрей Дионисьевич, усмехнувшись, произнёс:

— Гляди-ка, Илюха, сей знак, наверно, подаёт твой небесный покровитель, повелитель громов и молний библейский пророк Илия, коего у нас на севере вельми почитают. Знать, быть тому, как сказано...

Ради спасения души

«Баз-зи-и-и! Баз-зи-и-и...» — резкие металлические звуки сорвали Илью и Ваню с постелей, устроенных им в гостевой келии. Спросонья они не сразу уразумели, что таким непривычным звоном созывают даниловских общинников на утреннюю церковную службу мерные удары по литой медной доске, подвешенной на сосне возле часовни. А в некотором отдалении вторил этому призывному сигналу и временами сливался с ним другой звон, доносившийся с женской половины обители, отделённой от занятой мужчинами территории внутренней стеной. Колоколов в Даниловском монастыре тогда ещё не было, поскольку выговс-

кие староверы опасались их вешать из-за постоянной угрозы новых жестоких гонений.

Между отлетавшими в тайгу звенящими ударами едва пробивались тревожные кукареканья всполошившихся петухов, словно обиженных на то, что живущие рядом с ними беспокойные люди опять опередили их голосистые побудки. Час был действительно ранний — ближе к пяти утра. По суровому монастырскому уставу — время утрени. Хотя ночью парни крепко уснули с устатку, не замечая разгула разразившейся над Выгорецией грозы, но за оставшиеся им два с небольшим часа отдыха вволю отоспаться они всё-таки не успели.

— Пора в церкву, ребятушки, ежли впрямь желаете испытать все особенки нашего пустынного жития! — торопя сборы приезжих, заглянул в дверь приставленный к ним дядькой-наставником Тимофей Тверянин. — Все пождут, что после службы большаки своё слово братии прорекут о предстоящем нам судьбоносном выборе. Посему народу соберётся больше обычного, когда с ближних скитов и выселков жильцы подтянутся... Надо бы поспешать, дабы места рядом с амвоном занять.

Илья и Ваня, не утратившие энтузиазма первопроходцев, ждать себя не заставили. Наскоро одевшись, выскочили вместе с Тверяниным на улицу и, прижимаясь к стенам стоявших повыше над месивом грязи ближних келий, скорыми прыжками через огромные лужи вслед за другими выходившими из проулков насельниками двинулись к часовне, видневшейся на фоне серого неба. Гроза к утру стихла, но ослабевший дождь продолжал моросить из облачной пелены, по-прежнему перекрывавшей признаки рассвета.

Внутри заполнявшейся прихожанами вместительной часовни новичкам удалось протолкнуться ближе к большакам, среди которых не оказалось только Петра Прокопьева.

— Прокопич наш по долгу первого уставщика к сёстрам пошёл службу вести да возвестить им об ожидаемом решении. С ними ить тоже у нас принято совет держать, — объяснил спутникам отсутствие четвёртого большака Тверянин и, пока обходивший с дымящимся кадилом образа иконостаса одетый в обычную чёрную рясу отец Пафнутий не возгласил начало

утрени, шёпотом успел им рассказать о некоторых выдающихся персоналиях Даниловской Богоявленской мужской обители: — Гляньте, рядом с большаками Андреем и Симеоном стоят их батюшка Дионисий и младший брат Ваня, да верный Андреев товарищ Иван Беловутов, с коим они вместе скитаться начали... Года через два после того, как Андрей Дионисевич вопрекор отцу увёз в пустынь из дома свою сестру Соломонию, которая нонче в женской половине верховодит, Дионисий сам смирился с пустынножительством и привёл на Выг всё семейство... Данила Викулич тоже и родную сестру с детишками из Устьрецкого завода в тайгу вывез, и зятя своо Леонтия Боталова, с которым он сейчас перешёптывается... Следом за Викуlichem стоят его первые сподвижники Харитон Шуньгский, Трифон Пименов, Никифор Астраханец, Лука Филатов, Иван Дмитриев... А первоначальниками именно здешнего места считаются вон те мужики — Захарий Стефанов и Артемий Нигижемский. Как раз Захарий со своим отцом Савватием позвали Викулича с Андреем и братиею перебраться со старого общинного завода на раздольный Выгский берег, где уже тогда показали пример раздельного жития с родственницами, перегородив общую келию стенкой меж мужской и женской половинами... А тот суровый бородач — соборный брат Лука Фёдоров, правая рука Петра Прокопича в наряде по монастырскому строению. Встречи с ним и вам не миновать. Да много есть о ком порассказать. Токмо сейчас не ко времени — утрени начинается...

Соловецкий священноинок Пафнутий, большой дока в тонкостях древлеправославного благочестия, вёл службу уверенно, без заминок и запинок. О нём сказывали, что на Выг он пришёл со скита на водлозерском Белом острове вслед за своим легендарным сомолебщиком старцем Корнилием, почившим после основания Даниловской пустыни в возрасте 125 лет. Проникаясь вдохновенным голосом Пафнутия, Илюха грешным делом подумал: «Надо же, считается обитель беспоповской, а богослужение тут справляет настоящий чёрный поп... Да говорят, он и других желающих того насельников в иночество постригает и учит их всем премудростям богословия...»

Но потом вологжанин вспомнил пояснения деда Ерофея о причинах вынужденного отказа староверских общин от связей с иными сановитыми священнослужителями. Ведь большинство из них предалось никонианству, а других-то, по-прежнему крепких в исповедании правил дедовской веры, осталось совсем мало. Когда же безвременно почил в муках единственно верный древлему благочестию староверский архипастырь епископ Павел Коломенский, безвозвратно прервалась ниточка к посвящению его возможных последователей в сан первосвященников, отчего порушился и прежний порядок пострижения в монашество. Поскольку оказалось сообщество раскольников без головы, то на практике утвердилось в допущении к проведению всего чина церковных служб более других научившимся тому выборными большаками из мирян.

Неоднажды бывавший в новообрядческих храмах Илья удовлетворённо отмечал для себя отличительные особенности произносимых хором даниловцев дорогих его сердцу молитв, по заверениям деда Ерофея, существовавших от самых начал крещёной Руси до введения никонианских новин. Имя Иисуса Христа они благоговейно возглашали без добавления второй буквы «и». «Аллилуйю» в прославление Святой Троицы вторили сугубую, помня, что третий её повтор в точном переводе с греческого как раз означает без того обязательно добавляемые по-русски слова «Слава тебе, Боже!». О Царствии Небесном в Символе веры говорили по-старославянски «несть конца» — в не подвергаемому никакому сомнению настояще-вечном времени без упования на некую будущность; Духа Святого тоже величали Господом «истинным», что почему-то решились упустить реформаторы-нововеры; в слове о самом Христе не забывали вставлять «аз», особо подчёркивавший человеческую природу Сына Божия: «рожденна, а несотворенна»...

Ради единого сего «аза» легендарный расколучитель Аввакум Петров безжалостно предавал своих противников анафеме, за что сам был проклят официальной церковью, расстрижен из протопопов, посажен в земляную тюрьму и в 1682 году сожжён на костре в Пустозерске вместе с тремя другими сохранившими твёрдость сподвижниками.

По времени утренняя длилась не очень долго. Правда, надо учесть, что по монастырскому распорядку до молебнов по следующим часам после заутрени ещё хором пелись псалмы или братия читала священные книги, как и во время общих трапез и после вечерни. Постриженные в иночество насельники строго держали весь тяжкий суточный круг богослужений. Послабления допускались только в отношении приставленных к будничным делам мирян и тех иноков, которым нарядники назначали целевые труднические послушания, исполнявшиеся опять-таки лишь по благословию старцев или большаков. Праздношатание, безделье, хождение без надобности по кельям друг к другу категорически воспрещались.

Прочем, в тот день вместо чтения книг с долгожданным словом к братьям обратились Данила Викулин и Андрей Денисов.

— Помните, братия, яко наша Божоявленская обитель есть остатний оплот древлеправославного благочестия, восприявший наследие сие от преподобных Зосимы и Савватия и всех соловецких святых, — начал своё обращение Даниил. — Ветхий Рим падеся аполинариевою ересью, а во втором Риме, еже в Константин-граде, от агарянского насилия иссякло благочестие до конца, и несть того нигде же кроме иных уделов Московского государства, верно храняхуся от Крещения Руси. Однако ереси зловредного Никона, проникши от его богохульной sprawy в новопечатные книги, порушаще древлеотеческие догматы Христовой веры, коих мы накрепко придержаще. Антихристова никонианская власть жесточе гонит всюду единоверцев наших. Уж сгиб в муках пресветлый епископ Коломенский и Каширский Павел, протопоп Аввакум со товарищи сожгися в гибельном пустозерском срубе, в пламенах очистительных огнищ своею волею подняшися на небеси многие мудрые наставники выговских насельников старцы Пимен, Игнатий, Герман, Иосиф, иные подвижники со тыщами братий наших... Неужли ноне пришед и наш черёд? Знаемо нам, явился в Повенецком рядке антихристовы слуги, и сам их вож, царь-самодержавец Пётр сюда следом вскоре пожалует. Чего же нам ждати от скорого пришествия сонма жестокосердных никонианских новообрядцев? К чему себя готовить? Убоимся ли

их безоглядно? Уйдём ли без раздумий к Отцу Небесному в праведническом огне? Или же силы духовного противостояния в душах своих изыщем и выстоим безбоязненно, дабы твёрдо сохранить неповрежденную нашу древлеотеческую веру? Ради детишек и потомков... Для утверждения накрепко столпа будущей жизни...

Заковыристо поставленные риторические вопросы киновиарха явно породили смущение среди собравшихся. Кто-то изначально готов уж был решительно голосовать за всеобщее самоожожение, но большинство мужиков, чувствовалось, засомневалось в столь однозначном выборе. Одно б дело, сам Викулич твёрдо сказал: «Идём в огонь!» Тут вряд ли кто-нибудь возражать попытался. Сообща бы утвердились в том самоубийственном решении и без ропота пошли готовиться к смерти. Но ведь большак по каким-то соображениям иначе дело повернул. Потому мнения из толпы зазвучали противоречивые:

— Угроза благочестию ноне слишком велика есть! Пора гарь творить и вслед за иными праведниками во Царствие Небесное с дымом подняться!

— Вели, Викулич, смольё и солому в часовню нести! Мы хоть сей час готовы уйти из антихристово мира. Огонь нам не страшен — страшнее черти земные!

— Чистые саваны у каждого припасены на смертный час!.. Ради спасения чистоты душ не убоимся умереть за веру православную!

— Да куда ж нам торопиться? Будто антихристово воинство ужо у ворот обители стоит. Сожечься всегда успеем, ежели на чёрта грома не сыщется...

— А може, пока не поздно, подальше в тайгу уйдём? До самого Уральского камня дебри глухие тянутся, а за хребтом и вовсе лежит широкая Сибирь, немеренные вольные просторы. Найдётся, где укрыться.

— Пошто ж нам бежать с обжитого места? Жалко наладившееся общинное житие оставлять. Може, не так страшен чёрт, как его малюют?

— Царь Пётр хоть и антихрист, но послабления нашему брату от него почуялись. Совсем не то было при его батюшке Алексее Михайловиче, при братце Фёдоре и вздорной царевне Софье. Тогда покруче времена случались, пожесточе...

— За веру истинную можно и в миру накрепко постоять! От нас живых больше проку будет, чем от мёртвых.

— Мёртвые, конечно, сраму не имут, но важнее живяху святость сохранить...

— Верно, придёт срок — огня не убоимся, а живы будем — не помрём!

— Да что за спрос такой странный? Нехай большаки яснее мысли свои изложат.

— Пушай Андрей Дионисьевич своё мудрое слово скажет! У него умище светлый, толк рассудительный — поймём.

Денисов только ждал этого призыва. Они так и уговорились с Даниилом — для начала озадачить пустынников оставляющими альтернативы сомнениями и выпустить первый пар разногласий, а потом, следуя известным законам логики, соединить тезис и антитезис в синтез общинного согласия. Уловив настроения заколебавшейся толпы, отличавшийся завидным красноречием Андрей Дионисьевич выступил вперёд. Чтобы утишить людской гомон, он поднял правую руку, а потом стал выстраивать перед собратями цепочку продуманных аргументов, подводивших их к идее достижения временного перемирия с царской властью и параллельного сосуществования с антихристовым миром никониянства:

— А и впрямь, братья, вспомянем вместе, с чего зачиналась наша обитель. Наш Данила Викулич ужо годочков двадцать назад в Выговский сузёмок из Шуньги сбёг и допрежь скитался по лесам от беспрестанных гонений. Ревнителей древлеотеческого благочестия царёвы слуги тогда нещадно имали, ковали в цепи, мучили в застенках, иных казнили безжалостно... Памятен случай, когда Викулич со товарищи взятого из тайги под стражу старца Питирима от олонецких стрельцов у Пряжи силой отбили, дабы спасти его от неминуемого смертного конца. Да и я уж лет десять как с Иваном Белоутовым из дома в лесные пустыни ушёл. Тяжко нам всем жилось поодиночке, в хладе и великой скудости... Бывали времена, когда без крыши над головой студёными зимами мы при нудьях грелись, корой сосновой да травами лесными питались... И никогда не забыть нам той опаски от вечной угрозы поимки и нещадных пыток за веру нашу. Однако ж минули годы, а мы целы-невредимы

остались, да и боле того — соединились вместе ради благостного общежительства. Именно на общинную жизнь благословили нас наши наставники и учителя — благочестивые святые отцы Пимен, Досифей, Игнатий, Кирилл Сунорецкий, старцы-пустынножители Корнилий и Виталий... Как сказывал нам отче Игнатий, его самого прозорливый соловецкий священноиннок Гурий напутствовал по уходе с Соловков великим пророчеством о предначертанном созидании в Поморье нового монастыря, поболе Соловецкого. Не только многочисленными соборами предавшихся праведному огню единоверцев тот монастырь ноне утвердился в яви. И вовсе не чаянный Китеж-град укрылся от никонианских преследователей в глубинах вод озёрных. Вот стоит ноне здесь, на тверди земной, построенная нашими руками Богоявленская обитель, радующая нас крепостью духа и веры, наследием высокочтимых нами соловецких святых. Неужто же мы так запросто откажемся от наследия сего, от трудов своих праведных, дадим дело святое порушить? Да вы сами подумайте, братья, почто же разросшееся наше гнездовье антихристово воинство раньше не разорило? Почто оно безвредно дало укорениться и окрепнуть общинному ростку? Разве по недогляду да глупости? Не так! Понеже инако жизнь ноне складывается. Уж не ведаю, сам ли царь Пётр тот настоящий антихрист. Но в последние годы он явно утишил гонения на благочестивых христиан, исповедующих древлеотеческое православие. А что сие означает? Похоже, с иными горестными старинами минует отныне и время жертвенных костров. Знамо вам, по вашим же посылкам не раз мне довелось в том миру бывати. Уверился я, что он нашему житию теперь нисколь не помешает. Сможем мы и впредь жить пусть рядом, но в стороне от него, твёрдо храня в душах верность праотеческому благочестию. Есть для того другой путь! Посему прошу вас не поспешать со скорым самосожжением и не разбегаться со страху в дальние сузёмки. Дайте мне возможность стренуться с самим царём и уговориться с ним об условиях продолжения нашего спокойного жития. Пускай сей самодержец трудов от нас суровых затребует в отступные, но взамен даст волю нам веру христианскую творити на дедовский лад. А уж

если не сладится у нас стовор, тогда я вперёд вас сам в огонь пойду!

— Любо ли вам сие слово? Благословим ли Андрея на подвиг духовный? — не давая времени для лишних раздумий, спешно, громко спросил Викулин.

Попытки возражений со стороны немногочисленных упёртых фанатиков потонули в возгласах громких одобрений:

— Любо-любо!

— Благословляем!

— Правильно Андрей речёт, изменились времена, утишились...

— Рано с гарью торопиться, ежели можно стовориться...

— Всё прочее стерпим, дабы токмо веру дедовскую в нерушимости сохранить...

— Огня не убоимся, но за жизнь тоже не грех крепко постоять!

— Можешь на нас твёрдо положиться, Дионисевич, пособим затее праведной...

Волнение толпы улеглось не сразу — только после служения молебнов по первому и третьему часам, между которыми братия всё-таки устроила вдохновенное хоровое пение псалмов. Часовня освободилась от народа ближе к десяти утра. Выходит, в сложении служба получилась весьма долгой. Однако люди, воодушевлённые вселившимися в их души надеждами, без видимой усталости расходились до полудня по будничным делам, улыбчиво поглядывая на повисший в небе после минувшей грозы мостик разноцветной радуги, перекинувшийся от былых ожиданий смерти к возможному продолжению жизни.

Скоро подошедший из сестринской половины Прокопьев заверил большаков, что идея замирения с царём на устраивающих выговцев условиях тоже нашла там полную поддержку. Теперь казалось, что в подобном исходе состоявшегося разглагольствования даже не могло быть сомнений. При отсутствии прямой угрозы преследования со стороны властей жажда жизни брала верх над склонностью к скоропалительной жертвенности.

— Вот так, отроки, житие наше складывается общинным Поморским согласием, — раздумчиво сказал Андрей Денисов Илье и Ване, которых захватил с собой по дороге к исполнявшему обя-

занности монастырского келаря наряднику Луке Фёдорову. — Радостно, что этакий лад в обители сложился по столь щекотливому случаю. А ведь меня самого годика два-три назад злые сомнения донимали: дескать, не приискать ли для общины счастья в дальних северных землях... Странно получилось, что разуверил меня в них мой батюшка Дионисий, допрежь вовсе не одобрявший наш уход в пустынножительство. Но, укоренившись здесь, он быстро свыкся с устроением нами укладом. Воспретил он мне отправляться в северное Поморье. Так тогда и сказал: «Живите тут, где отцы благословили и кончились. Хотя и много ходишь да ищешь, но тут сорока кашу варила. Таковское сие место по времени, и бысть тако по его проречению».

— Андрей Дионисьевич, я помню, ты в Вологде сказывал, что у вас в монастыре больше тыщи человек проживает, а с виду вроде так не кажется. Да и часовня ваша столько бы народу вместить не смогла. Где же остальные люди? — поинтересовался Илья.

— Побудешь вместе с нами — сам увидишь! — усмехнулся любопытству парня Денисов. — Не все же в самой обители подвизаются. Выговский сузёмок раздолен. Иные в скитах окрестных обитают — в Ладожском, Сергиевском, Солотзерском, Волозерском... Иные семьями да артелями на займках и выселках келии поставили: Алексей Корельский — у Тягозера, Димитрий Большой Нос тож на Волозере, поморцы Шехеховы с Калистратом и Баландой — на Тимбичозере, старец Евфросиний — в Верховских лесах... Другие отшельничают вокруг Тервозера, Кудозера, Викшезера, Кодозера, в Палосельге, вдоль всей Лексы-реки, у тихого Белого озера, где мы допрежь с Иваном Белоутовым прятались... Немало тут есть удобных для жития местечек. Но отовсюду по крайней нужде люди к Данилову тянутся, даже с дальних водлозерских деревушек. Посему не вправе мы всех их без покрова оставить. Ради столь обширной общины нашей не грех и царю поклониться.

— Меня тоже возьми с собой к царю, Андрей Дионисьевич, — выдал Илюха потаённое желание поучаствовать в историческом событии.

— Что же, мне добрый советник из мирян не помешает. Тем паче ты с сержантом Щепотевым коротко знаком, — легко согласился Денисов. —

Вот пойдём с тобой да выберем царю достойные подарочки в закромах брата Луки. А уж тебя, Ванятка, я на его попечение передам. Ты же к нам не в гости приехал, а в постоянное пустынножительство. Посему привыкай жить в послушании и согласии с монастырским уставом...

Бой на шуйских порогах

Полноводная Шуя легко несла вниз по течению три больших плота, сбитых из трехсаженных брёвен прочными коваными скобами. На каждом плоту размещалось по десятку солдат и по паре сплавщиков из местных карел. Они ловко орудовали длинными шестами, отталкиваясь на мелководе от донных камней, чтобы придать им верное направление, при этом удерживаясь на удобных глубинах, но обходя опасные западни бурливых порогов. Фрол Белозерский и Михаил Кириллов плыли на среднем плоту, где стоял шалашик капитана Ладогина. Утомленный заботами последних недель офицер отсыпался там, прикрывшись от речных брызг епанчой.

За минувшее с середины мая время Александр Ладогин немало порадел в исполнении данного ему государем наказа. В Великом Новгороде, как и предсказывал царь Пётр, он при содействии воеводы Апраксина быстро сформировал свою роту, набрав ещё четыре полных плутонга из выздоровевших солдат инвалидных команд. Трех из них во главе с капрами из семёновцев и приданного поручика-новгородца Георгия Закурского, не доходя до Олонца, капитан сразу отправил к Онежскому озеру вдоль берегов Свири. Приказ дал такой: менее выносливых бойцов оставлять гарнизонными караулами в приречных поселениях, а из самых крепких выделить сменные конвои для сопровождения задержанных дезертиров, лихих людишек и беглых крестьян к олонцкому воеводе Барятинскому. Надёжнее всего поручил перекрыть Вознесенскую переправу у истока Свири, наказав до соединения с остальной частью роты прочесать проходящий там торговый тракт глубокими облавными рейдами в обе стороны.

Из Олонца, получив от Семёна Фёдоровича Барятинского наставления и толковых провод-

ников, Ладогин с двумя plutонгами двинулся по лесной дороге на восток мимо редких карельских деревушек. В старинном селе Ведлозеро он разделил свою группу — десяток солдат оставил там опорным гарнизоном, один plutонг направил дальше по проезжему просёлку, а сам с тридцатью бойцами, карелами-сплавщиками и прихваченным из Олонца иноземным рудознатцем Иоганном Пульманом, завербовавшимся на заонежские заводы Бутенантов, пошёл на север к стекавшей в большое Онего реке Шуе, по которой тоже шло активное сообщение между местными поселениями.

Пульмана настоятельно посоветовал взять в экспедицию Бяратинский, хорошо знавший о крайнем интересе царя к поиску и скорому освоению карельских железистых руд, которыми были богаты здешние болота. Крестьяне добывали их издавна, умели выплавлять из них годную дляковки крицу, мастерски перековывали её в топоры, серпы, косы, наконечники для сох, другие сельскохозяйственные инструменты и бытовые мелочи. Теперь возникла потребность подчинить мелкий кузнецкий промысел военным нуждам, развить его до промышленных масштабов, изготовлять для армии как можно больше холодного оружия, лить пушки, ядра, якоря для кораблей будущего флота...

В Заонежском краю медеплавильные и железоделательные заводы появились ещё в конце XVII века. Их начал строить русский купец Семён Гаврилов, а продолжили иностранные заводчики Пётр Марселис, Еремей ван дер Гаттен, Генрих Бутенант фон Розенбуш и его сын Андрей. Базой зарождавшейся металлургии стали небольшие деревни Фоймогуба, Лижма, Кедрозеро, Устьрека. Прибравшие к рукам доходное дело Бутенанты поставили там и плавильные печи, и механические молотобойни. Русский самодержец, знавший о военных действиях вблизи такого производства, потребовал от предприимчивых концессионеров-датчан наращивания поставок оружия для армии. Уже в 1701 году заонежские заводчики выдали 13 тысяч пудов готовой продукции, а в 1702-м шли на увеличение производительности втрое.

Однако государю и того было мало. Он настаивал на более активной разведке в Карелии рудных месторождений, способных в достатке

обеспечить добрым сырьём новые железоделательные предприятия, а старые бутенантовские заводы подумывал сделать казёнными, чтобы повысить их эффективность в свойственном ему мобилизационном режиме. Главный интерес царя состоял в том, чтобы надёжные базы снабжения его войск оружием оказались гораздо ближе к Балтике, чем подмосковная Тула и отдалённый Урал, где только разворачивался во всю мощь деятельный Акинфий Демидов.

Отряду Ладогина поневоле пришлось вместе с иноземным знатоком руд взять на себя попутную миссию поисковой геологической партии по разведке богатых железом мест, что сдерживало темп движения. Иоганн Пульман всякий раз до тошно расспрашивал встречных карел о залежах бурого железняка, пластами покрывавшего на небольшой глубине дно некоторых болотин или малых ламбушек, шёл туда с проводниками, терпеливо простукивал окорёнными кольями вероятные рудные зоны и, если обнаруживал на конце голых щупов признаки рыжей ржавчины, наносил участки на самодельную карту. Особыми значками он помечал близость к ним напористых ручьёв и речушек, нацелившись на выбор удобных мест для будущих заводов, которым требовались не только сырьевые запасы, но и могучая природная сила, способная привести в действие уже известные тогда механические устройства по обработке металлических отливок.

Вскоре поход отряда по карельским дёбрям стал не только трудным, но и опасным. В Ведлозере крестьяне рассказали, что чуть раньше прихода солдат в окрестностях больше месяца шалила разбойная ватага под атаманством некоего Фотия, дерзкого дезертира, оставившего петровское войско ещё до сражения под Нарвой. Бедняков разбойнички в общем-то не шибко обижали, требуя лишь продовольствие себе на пропитание. Но попавшихся им под руку заезжих купчишек грабили нещадно, а тех, кто слишком рьяно пытался защитить свой товар, вовсе пришибали до смерти.

Видевшие лихих людешек поселяне утверждали, что их не меньше дюжины, что среди дезертиров, воинственных раскольников и нищих есть также бывшие разинские повстанцы. Дескать, правой рукой у Фотия считается матёрый старик Андрюха Одноухий, который с

двумя другими сообщниками как раз выдают себя за разинцев, сбежавших из вечной сибирской ссылки. По доходившим до Ладогина слухам, узнав о появлении солдат, шайка стронулась с насиженных мест и пыталась оторваться от преследования в глубине тайги, тоже двигаясь в северо-восточном направлении к Онежскому озеру.

— Как думаешь, Фролка, доведётся нам стрелнуться с теми лесными разбойничками? — спросил приятеля могучий Мишка, отталкивая плот увесистым шестом от близкой прибрежной мели.

— Если они останутся на нашем пути, сего нам никак не миновать, — лениво ответил Фрол, который, не утруждая себя лишней работой, полулёжа дремал, закинув голову на прикрытый свёрнутой епанчой ротный барабан. — И если они даже свернут в глухомань на север, капитан всё одно обязательно прикажет их догонять. Ему ж на то именно государев наказ даден — имать всех подозрительных личностей, особливо дезертиров и лихих людей.

— А ты в них стрелять сможешь, коли они нам супротивиться станут?

— Так они ж в нас тоже стрелять учнут. Мне, вишь, неохота самому зазря погибать.

— Но то ж свои, русские... Матушки вы мои, тот Андрюха Одноухий, може, с дедом твоим Ерофеем под казацкими разинскими бунчуками вместе за волю народную бился... Не жалко будет убивать?

— Мне жалче, если он тебя убьёт, братишка. Мишень ты из себя представляешь видную. Не светился бы, Миха, посреди плота во весь рост, приляг от греха подалше. Как говорится, бережёного Бог бережёт, — резонно советовал родичу Фрол.

Но упрямец Михаил беззаботно возражал:

— Для меня пуля-дура что заморскому слону дробина. Вот коли ядром из пушки рванёт, тяды да, поминай как звали.

— Ой, не хвались, Мишаня, а то ненароком накаркаешь злую судьбу. Сплюнь трижды через левое плечо... Да только не на меня, злыдень, слюной брызгайся, — Фролка, прикрываясь рукавом кафтана от нарочито прицельного плевка Мишки, схватил подвернувшуюся под руку барабанную палочку и запустил ею в неповоротли-

вого брата. Тот, однако, выказал завидную прыть, пытаясь увернуться от полетевшей в него биты. Наверное, как раз этот резкий уклон уберёг его от верной смерти, когда вслед за прозвучавшим с левого берега реки выстрелом метко пущенная пуля расщепила шест, дёрнувшийся в сторону за большим Мишкиным телом.

Фрол, остро почувствовавший опасность, которую парни словно впрямь накликали досужим разговором, инстинктивно перекатился через бок под прикрытие шалаша и в своём спасительном движении звука второго выстрела даже не слышал. О том, что пуля, вероятно, летела ему в голову, он догадался по глухому хлопку разорвавшейся на барабане плотно натянутой кожи. Ещё он увидел, что сплавщики-карелы испуганно упали на брёвна плота, а его товарищи-солдаты, напротив, споро хватили стоявшие в пирамидах ружья и уже нацеливали стволы в сторону дальнего берега.

— Дымы с того пригорка углядел, — показывал Мишка рукой на лысый скалистый просвет среди густого ельника. — Точно, вижу там, в кустах, нескольких стрелков...

Примеченная горушка снова ответила на это облачками мушкетных выхлопов и треском нестройного залпа. На первом плоту вскрикнул от боли раненный в плечо семёновский капрал Артемий Бульга, рядом с Фролом упал с пробитой головой вступивший в роту из новгородской инвалидной команды нарвский ветеран Егор Зудин, другие пули цокнули по брёвнам или плеснули фонтанчиками в воде, ещё одна ворохнула лапник на шалаше, из которого успел выскочить разбуженный поднявшейся суетой капитан... Он теперь энергично размахивал длинным пистолем и громко кричал приказы:

— По государевым преступникам — огонь! Пли! Пятерым стрелкам на каждом плоту приказываю держать ворогов под постоянным обстрелом! Остальным — навалиться на слег и толкать плоты к левому берегу! При подходе к мели двадцать человек идут на высадку, в погоню следуем двумя обходными колоннами! Не дать уйти разбойному сброду! Вперёд, орлы!

От беглой солдатской пальбы Шуя укуталась густым белым туманом, относимым встречным ветром вверх по течению. Плоты развернулись и, пересекая реку наискосок, вскоре

достигли прибрежной отмели. Первое отделение повёл прямо в сторону уходившей в лес шайки сам Ладогин, второй десяток солдат во главе с сержантом Данилой Григорьевым сделал крюк назад по ходу движения, чтобы обхватить, возможно, рассыпавшихся по тайге противников с другого фланга.

Фрол и Мишка бежали вслед за капитаном с фузеями в руках. Вскоре они поднялись на бугор, с которого разбойники стреляли по реке. Там лежали три тела. Два стрелка оказались убиты снайперскими попаданиями, третий, тяжело раненный в грудь, опираясь спиной на выступ скалы, дрожавшей рукой пытался насыпать из допотопного рожка порох в старинный мушкет.

Раненый был совершенно сив остриженным под горшок жёстким волосом и свиреп взглядом, в его левом ухе блестела колечком медная серьга, правого не было вовсе — только темнеющая дырка в черепе, обхваченная подковкой красного рубца. Увидев солдат, одноухий уронил разряженный мушкет и схватился за рукоятку заткнутого за пояс кинжала. Однако же слишком резкое движение вовсе подорвало покидавшие его силы. Застонав от боли, он стал заваливаться левым боком на подставленное к сердцу острие ножа и, устремив застывший взгляд налившихся кровью глаз поверх деревьев в небо, успел только зловещим шёпотом прошептать: «Ненавижу!»

— Ну что, Мишаня, ты вроде сомневался, надо ли стрелять в этакого ухаля, — не отводя ружейный ствол от дёрнувшегося в агонии разинца, негромко сказал брату Фрол.

— Да я уж о всяких сомнениях враз позабыл, когда пуля рядом шарахнула... Сам без раздумий стрелял в ответ на дымки встречных выстрелов... Думать-то некогда было, — словно оправдываясь, ответил Мишка.

— Эвон как смекнул казак. Таков жестокий закон войны: либо тебя убьют, либо ты успеешь убить первым. Може, Андрюха Одноухий тебя или меня давеча выпцеливал, зато в него попал, возможно, именно ты. Выходит, нам в сей раз повезло больше.

— Матушки вы мои, повезло однозначно, — машинально перекрестился Кириллов. — Коли б ты меня тогда с места не сполохнул, точно бы словил я порцайку свинца. Спаси тебя,

Господи, братишка, особливо за то, что ты мне никогда покоя не даёшь.

В отдалении справа снова раздались хлопки выстрелов, затем стрельба послышалась чуть ближе слева — это ладогинские бойцы с двух сторон замыкали окружение бросившихся врассыпную беглецов. Через пару часов их всех отловили. Кто-то не смог уйти из-за слабости и полученных ранений, кто-то по неопытности, а два бывших разинца, сообщники Одноухого, как и он сам, намеренно ввязались с преследователями в смертельную схватку. Они тоже погибли, но сами ранили ещё трёх солдат.

Последним задержали вожака ватаги Фотия, мужичка крепкого и весьма сметливого. Он едва не выскользнул из кольца облавы, когда, безоружный и по виду пришибленный, вышел прямо навстречу сержанту Григорьеву и, прикинувшись местным старожилом, пытался ему что-то лопотать по-карельски, всячески показывая, что оказался поблизости случайно и очень напуган перестрелкой. Служака-сержант поначалу ему даже поверил, но всё-таки по привычной исполнительности решил доставить глупого чухонца для полного выяснения личности к вышестоящему начальству.

В компании знакомцев хитрец быстро раскололся и долго потом бубнил им про то, что предупреждал Одноухого не поднимать шум, не нападать на проплывавших мимо царёвых солдат, но на время затаиться, а затем уходить подальше в тайгу обратным курсом — вверх по течению Шуи. Так, глядишь, попрятались бы разбойники в непроходимых чашобах ближе к финским уделам. Да вот ошибочно решили, что воинская команда специально послана отлавливать шайку Фотия и уже знает о месте её стоянки.

На берегу пустынных волн...

Задерживаться на роковом побережье отряд не стал. Трупы разбойников прикопали в лесу, убитого Зудина прихватили с собой в зашитой рогоже, раненых перевязали, пленников распределили по плотам — и, не мешкая, поплыли дальше. К вечеру достигли устья реки, где устроил бивак первый плутонг, подошедший сюда раньше пешим ходом. Там же дожидался

капитана Ладогина гонец из Олонца с просьбой воеводы Бярятинского срочно прислать солдат на подмогу против шведского нападения на приграничные деревни. Также воевода сообщал, что пойманных в облаве работоспособных людишек теперь велено пересылать на Повенец в государевы работы под руководством сержанта Преображенского полка Михаила Щепотева.

Подошедший посуху плутог Ладогин отправил обратно в Олонец в распоряжение Бярятинского. Десять ослабевших в дороге солдат с ранеными и тремя никуда не годными пленниками сели на раздобытые у местных жителей подводы и поехали на юг, к Вознесенью. Ещё пятеро пошли сопровождать шестерых пленных посылнее на север, к Повенцу. С оставшимися людьми офицер решил до возвращения этого конвоя обследовать прибрежные окрестности, о которых услышал многообещающие рассказы.

Заинтересовавшими капитана Ладогина и Иоганна Пульмана сведениями поделился старый мельник, поставивший мельницу в низовье порожистой речки Лососинки. Жил там старик Пекка с вошедшей в пору девического расцвета белокурой внучкой Анники. Его овдовевшего сына Сантери, отца девушки, за год до того забрали в солдаты и отправили под Новгород.

— На мельне у нас люди разны гостят. Не током знакомые помольщики, но и купчины проезжие, карелы-полесники, чудины-рыбари, русичи-рудознатцы... Всякий прохожий по побережью непременно к нам на огонёк заглянет, а иной и переночевать сподобится, — рассказывал обрусевший карел Пекка о своём житье-бытье. — Много чего я от них слыхивал. Да и сам, пока молод был, немало вёрст по округе хаживал, лесные тропочки-дорожки собственными ноженьками истоптал, на мягких мшистых травушках нежился, чистой водицей студёных родников жажду утолял... Так вот не однажды встречал я окрест энти болота со сплошным бурым дном, о коих вы меня спрашиваете. Да, почитай, они тута все такие... Особливо в верховьях нашей речушки, меж двух озёр, верстах в осьмнадцати отсюда, где Машезерско-Ильинский монастырь стоит...

— В этакой глуши ещё и монастыри ставят!.. — подивился Александр Ладогин.

— Да где же, как не в таёжной глуши и завид-

ной тиши, укрываться монахам от мирской суеты? С виду край наш пустынным и диким кажется. Однако везде люди живут: и в прирастающих прионежских сёлах с каменными церквушками, и в малых лесных деревеньках, и в одиноких полесовых избушках, и в раскольничьих скитах тайных, и в монашеских обителях славных... — пояснял Пекка. — Обласканы русскими государями Благовещенский монастырь преподобного Ионы на Яшезере и Спасо-Преображенская Задне-Никифоровская пустынь. Освящена она именами местных святых Геннадия и Никифора Важеозерских. Эти обители всего-то в шести-семи десятках вёрст отсюда расположились. А ближе Машезера к нам ещё Салминская пустынька. Да чуть дальше на острове в Онегоморюшке большой Клименецкий монастырь здравствует. Слава Господу, кругом тут святые места, обихоженные учениками великого инока Олександрюшки Свирского, удостоившегося внимания Самого Всеvyšнего и Царицы Небесной, заступницы нашей!

— Ладно, дед, довольно псалмы о святых петь. Оставим Богово Богу. Нам сейчас важнее земному царю службу справить. Сможешь ли ты проводить нас до тех бурых болот или внучку с нами отправить? — нетерпеливо отсёк набожные излияния увлэкшегося старика огрубевший в тяжёлых ратных буднях капитан.

— Ох, нет, я уж ногой тюбизен туюю — нынче совсем ослабел. Невмочь мне по старости лет на дальние бугры подниматься, а внучка туда никогда не хаживала. И по-русски Анники почти не говорит, намаетесь с ней объясняться, — обиженно забурчал старый мельник. — Да и ни к чему вам на том проторенном пути провожатый. Тропка рядом с речкой прямиком к монастырю протоптана — не заплутаете. А как до Лососинного озера дойдёте, возьмёте чуть вправо к обители — там тоже дорожка приметная, никак не сбьётся. Монаси свои окрестности вам лучше меня покажут.

Отойдя в сторону от насупившегося Пекки, который заговорил с внучкой по-карельски об интересах нечаянно нагрывавших важных гостей, Ладогин с Пульманом решили наутро отправиться в экспедицию вдоль Лососинки до верхних озёр.

— Мой предварительный оценка таков: если

рядом окажется большой запас железа, то тут именно будет лучший место для самый кароший завод, — поделился впечатлениями Иоганн Пульман. — Река быстр и неширок. Очень удобен, шtbody чтобы ставить на ней запруд. Сток воды можно управлять за счёт дамбы на озере сверху. И лес на стройка и пережёт для уголь хватайт на долгий время. Я думай, царь Питер одобряй сей начин.

— У русских, герр Пульман, говорят о столь серьёзных вещах с превеликой осторожностью: шtbody быстро не спеши да попусту не брещи, не уверен — не обгоняй, ведь если дело не справишь, зря себя ославишь... Сбродим мы сначала сами на те бурые болота, всё в точности разведем, уточним запасы железа, а уж после того царю докладывать будем. Но, честно признаюсь, мне тоже хочется верить, что ты прав. Потом, глядишь, не только завод, а целый новый город на сих пустынных берегах вместо леса дремучего вырастет, — мечтательно взглянул на шумевшие мохнатыми елями и высоченными соснами холмы волею судеб заброшенный в этот дикий край капитан Александр Ладогин.

Староверы идут на уступки

На встречу с сержантом Щепотевым Андреей Денисов собрался после Петрова дня, праздновавшегося в ту пору 29 июня. К тому времени до него дошли сведения, что грозный начальник выдвинулся из Повенецкого рядка на север с обозами работников, прибывших по его распоряжениям с южных волостей. Утром 1 июля от устроенной вблизи обители пристани отошли вниз по Выгу два карбаса с нужными для предстоящего дела спутниками из братии, привычной к встречам с людьми внешнего мира. Стоянку они сделали близ низовья реки, в наиболее удобном для устройства большой переправы месте.

Денисов сразу отправил опытных полесников в сторону деревни Вожмосалма, с тем чтобы наметить оптимальный маршрут через эти пятнадцать вёрст — для расчистки широкой дорожной просеки к узкому проливу на Выгозере, а сам остался дожидаться появления на другом берегу щепотевских строителей.

— Вот как получается, брат Илья, хоть не жалеешь того, но сам поневоле принуждён показать всем, что готов стать верным царёвым слугой. Уж больно высоки пороги на наши ноги, — объяснял Денисов вологжанину суть своих намерений. — Встреним мы тут беспокойного Михайлу Ивановича с готовыми предложениями. Точно подскажем, как отсюда до озера дорогу вести и как переправы добрые лучше устроить через широкий Выг да через следующую Выгозерскую салминку. Тут дороженька веками натоптана соловецкими богомольцами, кои не находят лодочников напрямую через Выгозеро перескочить. И Щепотев уж по сему пути дён десять назад от Нюхчи в Повенецкий рядок хаживал. Коли не дурак, запомнил подсказки старожилов. Хотя поди знай, далеко ли он отсель и что ему на ум взбредёт. Переправься-ка ты, Илья Павлович, на ту сторону да иди встречь обозу. Тимофей Тверянин не даст тебе заплутать. Пожалуй, так разумнее получится, что вы, как старые знакомцы, с поклоном от меня его сюда выведете.

Умелые гребцы помогли Илье с Тимохой одолеть на карбасе бурный Выг. Дальше они углубились в лес по заметной просеке, издавна проторенной не только местными жителями, но и многочисленными странниками, частенько выбиравшими этот путь, хорошо известный направлявшимся по нему на святые Соловки паломникам. Часа два спустя денисовским посланникам встретился растянувшийся на добрые полверсты бивак дорожных строителей. Они шли от деревеньки Телекиной, как говаривали, через семь болот, которые для удобства передвижения и прежде-то перекрывали узкой гатью, а теперь её предстояло заметно расширить и укрепить.

— Узнаю знакомые лица! Никак опять вологодский купец со своим провожатым мне в руки попались. Говорил же, что мимо меня не проскользнёте, — упёрши руки в боки, приветствовал приведённых караульным даниловцев Щепотев.

Сержант был в благодушном настроении. Его замысел осуществлялся споро. Работа вовсю кипела на встречных курсах. Под щепотевское начало поступили уже почти две тысячи крестьян с юга, которых он партиями оставлял по пути от Онежского озера на выделявшихся им участках

трассы для расчистки просек и мощения сырых болотин. Ход с севера расторопный урядник начал осваивать ещё раньше, по пути к Повенцу. Тогда уж в одном из первых донесений царю он сообщал: «По указу твоему послал я для чистки дорожной, и тое дорогу делаю от Ньюхоцкой волости и сделана от Ньюхоцкой волости до Ветреной горы 30 вёрст; дорога вычищена и намощена, а место самое худое, государь, а сказывают тутошние жители, ещё осталось такое же худое место вёрст 70...»

Теперь-то он знал, что самые гиблые хляби ждут близ Выгозера — на отрезке между Вождомсалмой и Коросозером. Но с опорой на мобилизованные из разных уездов артели и общины местных поселян уверенность в конечном успехе дела у него окрепла. Волею судеб ставший дорожным прорабом гвардейский урядник готов был теперь повторить хвастливые заверения из той памятной депеши государю: «Изволь приказать отписать ко мне для того, что к которому месяцу и числу подготовить дорогу, так я, смотря по работе, и делать буду; если дорога не вскоре надобна, можно сделать лучше Новгородской, а если для поспешения — телеги в две, а ныне я делаю мосты телеги в три и больше, а дорогу чистят сажень по пяти и по шести».

— Так мы ж, господин офицер, сами вас искали, — поклонился Щепотеву Илюха. — Как вы наказывали, я известил даниловских общинников о вашем желании встретиться с их посланцем. Большак их Андрей Денисов ждёт вас нынче на Выге в самом удобном для переправы месте. И заверяет, что знает, как устроить надёжные мосты и через широкую реку, и через пролив на Выгозере близ деревни Вождомсала.

— Везучий ты человек, вологжанин. Опять милости моей добился. Сам-то я уже голову сломал над теми каверзными задачками, — обрадованно откликнулся Щепотев. — Через мелкие-то речушки да ручьи мастера ставить мосты на засыпных клетях у меня найдутся. Но на широкой выгской стремнине да на том глубоком проливчике впрямь особливый подход требуется. Неужто даниловский большак нашёл верное решение? Хоть я не святоша, но за такую знатную службу готов расколыщикам многие вины простить. Давайте-ка скоренько перекусим и вперёд — к премудрому Денисову! О его разумении мне

немало сказывали. Прелюбопытно взглянуть на него, проверить, не врут ли слухи.

Не откладывая дело в долгий ящик, сержант распорядился запрячь лошадей в пару подвод и, отобедав, направился к Выгу, прихватив с собой кроме возниц и даниловских парламентёров двух солдат и башковитого телекинского старосту Гордея Власова, хорошо знавшего родные места и дававшего толковые советы по устройству дороги. Гребцы с карбасом никуда не отплывали, ожидая гостей у берега, потому заминки с переправой не случилось и обстоятельная беседа двух полномочных представителей разных миров состоялась на правобережном взгорке под лучами склонившегося к западу солнышка.

Щепотев и Денисов обменялись уважительными приветствиями, сели напротив друг друга на устланные ткаными половиками бревенчатые чурки, поставленные по сторонам новодельного столика с прихваченной из обители добротной мануфактурной скатертью. Продолжили обстоятельную беседу. Сержант сам удивился, что в разговоре с вожаком ненавистных ему раскольников не смог себе позволить ту непререкаемую властность, какую выказывал в обращении с другими подчинёнными ему людьми.

Вероятно, кроме уверенной манеры поведения Денисова, тут сказалось подспудное понимание царёвым порученцем того обстоятельства, что он, безродный солдат, говорит хоть и с зависимым от него нынче, но всё же природным князем Мышецким, прадеды которого отличились перед Отечеством в обороне от ворогов Новгородских земель, а затем предпочли утрату своих вотчин бесчестию отдаться под власть шведских завоевателей. Кроме всего прочего, иные княжичи из мышецкой родни остались на государевой службе в более высоких офицерских чинах, чем у случайно приближенного к исполнению царских замыслов сержанта, ясно осознававшего, что нанесение обиды пусть даже опальным, но издревле родовитым особам чревато на Руси непредсказуемыми последствиями. Чтобы избежать лишнего риска, Щепотев предпочёл говорить с выговским большаком как с равным начальником:

— Твои люди, Андрей Дионисьевич, передали мне, что у тебя есть подсказка, как устроить

прочные переправы через Выг и Вожмосалму. Мне сей верный совет ко времени будет. Выкладывай свои соображения.

— И то верно, Михайло Иванович, пришлось тут умишком пораскинуть, дабы решение найти. Понятно, что ни на озёрной салме, ни здесь, на бурном выгском потоке, обычные бревенчатые клетки под мостовины ставить несподручно, хоть какими тяжеленными камнями их засыпай. Там слишком глубоко, здесь их закрепить не поспеешь — они всё одно могучного напора воды не выдюжат, — с пониманием затруднительной ситуации, в которой оказался невольный дорожный мастер, рассудительно начал излагать свою оригинальную идею начитанный Денисов, славившийся почерпнутой из всяческих книг обширностью познаний во многих областях наук. — Посему предлагаю я соорудить для сих переправ временные «живые» мосты...

— Как это «живые»? Пловцы твои или великаны какие мостовыми опорами станут?

— Отнюдь. По сути, сей замысел напоминает обычную сплотку. С той лишь разницей, что сплотить меж собой надобно не брёвна, а потребное количество таких вот небольших карбасов или иных лодок с достаточно высокими бортами, — показал большак на причаленные к берегу прочные плоскодонные судёнышки. — С них надо снять мачты, сцепить их поплотнее борт к борту носами к течению, с берегов подравнять с ними для верности те же клетки, а затем уложить на крепкие продольные балки сплошной мостовой настил поверх бортов. Так мы обеспечим вполне устойчивое намостье, способное выдержать не только массу пешеходов, но также телеги, кареты и даже тяжёлые пушки...

— А ведь правда, ловко придумано! Как мыслишь, Гордей, выдержат подобные мостовины большой караван? — обернулся Щепотев к старику Власову.

— Сие токмо Богу ведомо. Мы этаких диковинных мостов сроду не видывали. Да и строить их нам допреж не случалось, — растерянно вопрошил рукой седые лохмы щепотевский советник. — Однако ж выбирать не из чего. И сермяга тут, чую, есть. Ить карбасы впрямь будут накрепко сплочены от берега до берега и скрепами меж собой, и верхним настилом. Навроде как стоячих опор получается, хоть и на плаву.

— Вот и я так считаю. Благодарю, Андрей Дионисьевич, удружил мудрым советом, — расплылся в улыбке довольный Щепотев, чувствуя, что удача сей день сама идёт к нему в руки. Но тут же он почувствовал какую-то недоговорённость в глазах выгского большака, а потому спросил: — Надо понимать, что осуществление твоей задумки сможет взять на себя Даниловская община?

— Если рассуждать трезво, то потребного для Выга количества карбасов нам всё ж поставить невмочь. Тут ширина потока саженой 120 будет. Мы готовы закрыть своими лодками половину того. Разумеется, прибрежные клетки, мостовины, скрепы на сей переправе тоже сами справим. Но заметь, Михайло Иванович, ровно столько же сих плавучих опор понадобится на Вожмосалме, где ширина пролива всего 60 саженой. Карбасы у здешних рыбаков почти одинаковые. Набрать их достаточное количество не составит труда. А после перехода того моста, который будет на пути с севера первым, перегоним их сюда и поспеем сделать намостье из заготовленных материалов, пока колонна будет двигаться пятнадцать вёрст до реки.

— Дельная мысль. Беру на заметку. Что ещё сказать желаешь?

— Участок до Вожмосалмы мы тоже сами просекой в пять-шесть саженой расчистим. Наши полесники его разведали и покажут тебе ту дорожку на месте. Но очень прошу, ради бога, в иные работы даниловцев не впрягать, дабы лишнего раздора в обители не учинилось.

— Ладно, Андрей Дионисьевич, — кивнул Щепотев, — соглашусь с тем, что даниловцы без того добрый груз на себя взвалили. Сии переправы, как я убедился, важнее всего прочего. А уж людешек на остатние работы у меня нынче довольно. На том и порешим!

— И ещё попрошу тебя, Михайло Иванович, не устраивай ты для наших работничков караульной стражи. Своё дело они без того сладят на совесть, без всякого стороннего надзора. Поручи присмотр за ними почтенному Гордею Лукичу, который, как я разумею, всё одно будет отвечать за прокладку дороги на 25 верстах до Телекиной.

— Наслышан я, что раскольщики пугаются царёвых солдат, как черти ладана. Если за дог-

ляд за ними сам вместе с Гордеем отвечать обещаешься, доверюсь твоему слову, не буду раньше времени страшать вашу братию. Но уж коли прослышу о нерасторопности и нерадении, не взыщи, Андрей Дионисьевич, виновных накажу строго.

— Даю тебе верное слово, не будет у тебя повода для беспокорства о нашем радении. Все работы справим как для себя, — твёрдо заверил Денисов.

— Принимаю твоё слово за крепкий заклад. Денька через три-четыре отпиши мне, как дело спорится. Похоже, я принуждён буду в Коросозере задержаться, приглядывая, как там гати на болотные мхи стелют вдоль всего Выгозера, — Щепотев не скрывал озабоченности. — У вас поговаривают, что в сих местах и елень не ходит беспечно. А нам вот надобно, чтобы цельное войско с тяжёлыми грузами по хлябям прошло, аки посуху.

— Работёнка и впрямь нелёгкая, под стать былинным богатырям, о коих в наших краях досюльные песни слагают. В тех героических песнях да в суровом лесном житии наш народец великие силы и умения черпает. Здешние поморы, заонежане и карелы исстари славятся навыками болотины мостить. Им не впервой, справятся. Особенно если сей тяжкий труд для большого дела потребен да хоть невеликой мздой окупится...

— Догадываюсь, куда ты теперь клонишь, Андрей Дионисьевич. Дескать, будут ли ваши усилия как-то учтены и оплачены казною? Небось, тоже думаешь, будто Михайло Щепотев только из-под палки крестьян на рабские работы гонит, взамен не обещая от государя ни признания, ни награды? Доносили уж мои послухи, что меня паче зверя лютого в народе боятся. И ты туда же, разумный человек, а готов верного царёва слугу пустыми побрякушками обидеть, — прямодушный сержант стал невольно распалиться, выказывая прорвавшуюся из глубины души затаённую обиду.

— Что ты, Михайло Иванович, совсем напраслину выдумываешь... Ни обидеть, ни оскорбить тебя я вовсе не собирался. Понимаю как раз, что в государевом деле всё до мелочей предусмотрено, учтено, просчитано... Вот и хотел поинтересоваться, каков тут порядок расчётов намечен?

— Денисов действительно никак не ожидал, что не замеченной им мелкой промашкой может наступить собеседнику на его большую душевную мозоль, а потому всячески попытался смягчить тон разговора.

— Не взыщи за грубость, я и сам что-то невзначай погорячился, — успокаиваясь от уважительного обращения к нему даниловского большака, вновь взял свои чувства в узду дисциплинированный служака. — А палка-то она завсегда нужна для острастки непокорных, для поспешания ленивых, для наказания мятежных... На то мне права особые самим царём дадены. Так и сказано в бумаге: «А буде кто по тому его, великого государя, указу чего не исполнит или им посланным урядникам в том в чём учинится ослушен, и тем людем от великого государя быть в смертной казни безо всякие пощады, и животы их взяты будут на великого государя бесповоротно». Зато ретивым да исполнительным государь наш Пётр Алексеевич, конечно же, сполна воздаст по заслугам. Поначалу, понятно, всем велено впрягаться в работы со своими лошадьми, подводами, инструментами и харчем. Но за то впредь предусмотрен справедливый расчёт по снятию недоимок или снижению будущих податей.

— Ты хоть на пальцах подсажи, — тут же уцепился Денисов, — примерно каков тот расчёт ожидается?

— Точно знаю, что духовные власти Крестного Онежского монастыря платят отряженным на Осудареву дорогу работным людям из своих волостей по 40-45 копеек в неделю каждому. Посему смело клади на всякого занятого в сих делах общинника по два алтына в день. Отсюда и считай свои издержки, включая оплату трудозатрат, материалов, карбасов... После о том повытчикам уездным в сказке своей доложишь, чтобы подати со всей общины урезать. Так что не бойся — не задарма вы царю служить тут будете.

— Да нам хоть и вдвое подати платить не зазорно, лишь бы за веру нашу государь на нас не шибко серчал, — бросив реплику в порядке продолжения разговора, Денисов, как будто осенённый новой мыслью, решил развить загоду заготовленный им почин в дерзкое продолжение: — Вот бы мне с самим Петром Алексеевичем довелось свидеться, чтобы умолить его о милости к нашей братии. Ты же, Михайло Ивано-

вич, ближний к царю человек. Будь ласков, замолви за нас словечко перед ним, на труды наши справные намекни, выговори для меня встречу с государем, когда он по нашей просеке да по переправам здесь пойдёт...

— Ух ты, как лихо замахнулся! — Щепотев даже вздрогнул от удивления и не сразу сообразил, что ему ответить на столь неожиданное предложение. Однако ж услышанное им слово о близости к царю польстило честолюбивому сержанту. Ему ничуть не хотелось разуверять собеседника в обратном. Прикинув свои возможности, он рассудил, что в сопровождении государя по уже готовой дороге шансы говорить лично с ним у него наверняка появятся. Но взамен за такое смелое обещание ему в свою очередь взбрело в голову поставить дополнительное условие перед хитрым старовером:

— Ну что ж, будет случай, я передам Петру Алексевичу твою просьбу, Андрей Дионисьевич. Только и вам за то пуше оговорённого расстараться придётся. На этом самом месте у переправы через Выг надобно почтовую станцию поставить для ускорения гоньбы с депешами в оба конца — избы для гонцов и смотрителей, конюшню, овин, сарай для лодок и снастей... Словом, ставь тут новую деревеньку. Так её и назовём — Выгорецкий Ям. Будет Богу угодно, тут ты с царём и повидаешься в награду за труды.

Служа Отечеству...

Ранним утром 7 июля сержант Щепотев засобирался выезжать из Коросозера на север. Личный пригляд за мощением опасных болотин вконец выбил его из сил. Но заботы того стоили — надёжные гати на ширину телеги удалось настелить по всему вызывавшему опасения участку. Дальше требовалось лишь расширение трассы. Теперь дорожному начальнику, удовлетворённому как собственным вкладом в дело, так и полученными известиями от Ипата Муханова, Гордея Власова, Андрея Денисова, не терпелось донести новости до самого государя и его ближнего боярина Фёдора Головина, заодно продемонстрировав им высокую степень готовности линии почтовой связи. Увы, накотившая усталость и затерзавшие его от других сведений тре-

воги не уберегли исполнительного служаку от маленького прокола.

Дело в том, что донесения высоким адресатам заранее готовились с его слов наряженным на ведение канцелярии бойким писарчуком. Опосля Михаил Иванович заполнял в них пробелы, оставленные для уточнённых цифр, и ненароком не заметил, что письма были датированы 6-м июля, а отправил он их уже 7-го, тем самым перечеркнув собственное намерение выказать примерную срочность доставки депеш. О допущенной оплошке он сообразил с опозданием, когда уж отправил гонца с бумагами и следом за ним сам двинулся на подводе в сторону Нюхчи.

«Ладно, завтра из Нюхотской волости повторно отпишу и государю, и боярину Головину, — успокоил себя сержант, поудобнее устраивая под голову походные пожитки, чтобы в дороге наверстать недосып последних дней. — Добавлю только какие-нибудь новые цифры и подробности да попутно повинюсь за ошибку. Сошлюсь, что в недосугах и на пустом месте мы даже дни забыли».

Хоть поначалу Михайлу впрямь клонило в дрему, обещавший долгожданное отдохновение спокойный сон к нему так и не приходил, всякий раз отгоняемый рваными беспокойными мыслями. Накануне он получил весточку о том, что из Архангельского города в помощь ему и Ипату Муханову отправляются новые офицеры — преображенский поручик Афанасий Никитич Головкин и адъютант Семёновского полка Михаил Яковлевич Волков. По чинам и родовитости эти обласканные фортуной дворяне, конечно же, занимали более высокое положение при царской особе и без зазрения совести могли присвоить себе плоды тяжких трудов безродного урядника. А они ведь были уже вполне зримы, осязаемы, почти завершены до степени полной зрелости. Делить с ехавшими на готовое посланниками лавры главного организатора беспримерного строительства порученной ему Осударевой дороги Щепотеву не хотелось. Потому после возвращения в Нюхчу и скорого исполнения там неотложных обязанностей сержант намеревался поспешить по берегу Онежской губы Беломорья в село Унежму, чтобы перехватить в пути опасных соперников и переориентировать их на чуть менее значимые цели.

Он лихорадочно придумывал аргументы, чтобы убедить новых начальников в крайней необходимости тех действий, которые они должны будут взять на себя, а заодно обнадёжить, что тем самым смогут снискать славу и царское признание. Тому же Афоне Головкину надо подсказать мысль о крайней важности дальнейшей прокладки линии государственной почтовой связи от Повенца к Олонцу посуху, вдоль побережья Онежского озера. Звучит вполне внушительно! Если проглотит, то поручик уж не станет мешаться под ногами как прямой командир Щепотева по ранжиру Преображенского полка. А семёновского адъютанта Мишку Волкова, наоборот, хорошо бы подольше задержать на севере решением самой насущной задачи по сбору в поморских сёлах лошадей и подвод, о нехватке коих сержант как раз докладывал государю и канцлеру Головину из Коросозера, твёрдо пообещав завершить окончательную отделку всей трассы к 15 июля.

«Именно о скудости в телегах есть смысл снова напомнить моим благодетелям в завтрашних письмах. Пусть они тоже со своей стороны подтолкнут Михайлу Волкова к их активному розыску, — чувствуя возвращение спокойного расположения духа от удачно найденных решений, в одолевавшей его полудрёме продолжал сонно размышлять Щепотев о своих будущих рапортах. — Да не мешает присовокупить к прежнему сообщению о сборе судов на Онего запрос о потребности для них в парусах, якорях и иных корабельных снастях... Да не забыть бы отписать о крайней нужде в хлебных припасах в сих забытых богом краях... Да и другие вопросы надо бы поставить, чтоб лучше государю услужить... О чём же ещё? Ах, о чём-то важном, но никак не вспомнится... Надобно будет обязательно вспомнить, чтобы все уверились твёрдо в том, что государь мной должен быть доволен...» С этой счастливой мыслью, расправившей подобие улыбки на словно вырубленном из камня суровом лице исполнительного служаки, Щепотев наконец забылся в глубоком сне, укачиваемый тряским ходом подводы по срезанным буграм и мостовым настилам творимой им исторической дороги.

Ох, нелегка ты, подневольная солдатская служба! Не зря о братиках-солдатиках говорено, что они, как те бурлаки поречные, лямку тяжкую тя-

нут. Ради чего ж они так рьяно служат, для каких целей ту лямку безропотно тягают, зачем напрягают силушки, пластаясь в самоистязаниях беспрестанных учений и в пылу кровопролитных баталлий, в коих могут пострадать нещадно от полученных ранений или до непреходящих увечий, или до самой смертушки, до ухода безвозвратного в незнаемую вечность, от конца земного — в бесконечность? «За веру, царя и Отечество!» — подсказывает ответ старушка История. Да так ли истинно? Разве совместима вера с жестокосердием? До Бога высоко. И поди знай, как Сам Вседержитель смотрит с горних высей на воинские смертоубийства, впрямь ли поддерживает кого из супротивников в жестоких противоборствах. Может ли Господь считать войну справедливым способом решения межчеловеческих конфликтов? До царя далеко. И если даже близко, что с того? Земные блага и награды от любого кесаря за верное служение имеют свою цену, пока жив и здоров. А если своей героической кончиной только властного сумасброда на престоле утвердишь, тебе-то самому в ином мире каков прибыток, какое от того утешение? Но есть таки в мире вполне осязаемые вечные ценности, во имя которых действительно и погибнуть не зазорно, не стыдно, не страшно. Отечество — земля отцов, родина, народ, родичи и прочие, но тоже родные по духу люди... Все те, кто почитает наше Отечество общим. Хоть ближние, хоть дальние, хоть в славе, хоть опальные, богатые и бедные, святые или вредные, пускай иногo племени — все сродники во времени. Им жить на нашей отчине, творить её на зависть всем, хранить заветы прочные и о героях памяти...

На Осударевой дороге

Высушив у костра промокшую от дождя Водежду, опытный в лесных скитаниях Фотий Васильев забрался на лабаз, загодя налаженный им по привычке между нижними ветвями могучих елей. Во время странствий он слышал поверье, будто во сне под елями человеку открывается провидение желанного будущего. Ему бы это нынче совсем не помешало — вовремя усмотреть возможность удачно сбежать.

Поверх составивших основу его навесной постели крепких сосновых обрубков, которые

отсёк от стволов при сооружении мостовой гати, мужик постелил густой хвойный лапник, но устраивать из него укрытие шалашиком не стал. Продолжения измучившего всех за двое суток ливня предстоящей ночью вроде как не ожидалось. Чернеющее небо на время очистилось от тяжелых, словно беременных, туч и радовало глаз россыпью ярких звёзд. Откинувшись на спину и поудобнее приладив под голову войлочную шапку, уставший Фотий невольно залюбовался божественной красотой развернувшейся над ним небесной картины, которая всякий раз менялась при покачивании перекрывавших её еловых лап.

Вдруг ночное августовское небо прочертил светящийся след стремительно пролетевшей кометы. Вспомнив, что звёзды падают к исполнению заветных желаний, Фотий в первый раз всё же не успел подумать о самом сокровенном. Но ждать следующего раза долго не пришлось. Конец августа в Карелии — время урожайных звездопадов. Второго случая Фотий уже не упустил, сосредоточившись на мысли об очередном побеге.

Способные к работе лесные разбойнички, пленённые в районе Шуи солдатами капитана Ладогина, второй месяц в поте лица трудились на строительстве Осударевой дороги. В середине июля, когда убавилась угроза повторного нападения шведов на приграничные олонечские деревни, их доставили под воинским караулом в Повенецкий рядок, а потом отправили к деревне Пулозеро, в самую глухомань, и разбросали по разным участкам, чтобы сообщники не сговорились о бунте или побеге.

По пути Фотий со товарищи своими глазами увидели размах развернувшихся строительных работ на 120 верстах от Повенца. Приметили, как белозерские крестьяне расширяют и чистят от камней да деревьев сухую дороженьку на масельских взгорках от Онежского озера до деревни Телекиной, как пудожане и каргополы гатят оттуда болотины до раздольного Выга, как три десятка выгозерских раскольников готовят намостье через бурную реку и строят на берегу почтовый ям, какой широкой и чистой уже выглядит проезжая лесная просека до пролива на Выгозере...

От Вожмосалмы до Пулозера гатила болотные

мхи артель карельских лесорубов из-под Олонца. Их способ укладки мостового настила заметно отличался от приёмов русских плотников на юге трассы и поморских мастеров на севере. Те сначала укладывали на обе стороны болотин длинные продольные брёвна, а сверху сбивали на них поперечные. Карелы, напротив, мостили гать как городскую панель: в основание, на места, что посуше, клали поперёк крепкие плахи с прорезями и прочно удерживавшим их осиновым клином, а поверх них протягивали сплочённые из трех продольных брёвен секции длиной до восьми с лишним метров. Для передвижения подвод и карет это оказалось гораздо удобнее — их меньше трясло на нетёсаном бревенчатом настиле. А вот для волока судов под деревянные салазки, на которых тащили фрегаты по сотне лошадей с возчиками да столько же впряженных в лямки бурлаков, всё равно пришлось подкладывать окоренные круглые катки, облегчавшие ход тяжёлых конструкций.

Да кто же мог знать в середине лета, что царю Петру придёт в голову этакая блажь — тянуть с Белого моря цельные боевые корабли?! Как их ни называй — малыми фрегатами или яхтами, но по их размеру мало совсем не покажется. Выглядели новые фрегаты «Сошествие Святого Духа» и «Курьер» довольно внушительно. Если перевести голландские футы, которыми их измеряли при строительстве, в русские меры, то длиной сии кораблики были больше девяти сажений, шириной в мидель-шпангоуте — семь аршин, глубиной интрюма — больше трёх с половиной аршин. Их только весной сладили на Соломбальской верфи под Архангельском и спустили на воду 24 мая, в день Святой Троицы, почитай, через неделю после прибытия в архангельские края царя Петра.

Солдаты и приставленные к фрегатам матросы-поморы рассказывали, что государь как малый ребёнок обрадовался боевым судам-новоделам, посчитав их лучшим подарком к своему тридцатилетию. Но никто и вообразить не сподобился, что он прикажет тянуть глянувшиеся ему тяжеленные игрушки 160 вёрст по диким лесам и топким болотам.

Переждав строгий Успенский пост и отпраздновав в Соловецком монастыре Успение Пресвятой Богородицы, Пётр Первый отдал приказ

сбравшейся там флотилии двинуться на юг, к Нюхотскому усолью. 17 августа, на следующее утро после высадки ночного десанта у Вардергоского мыса с подошедшей от Соловецких островов эскадры, Фотий оказался в числе бурлачков, вытягивавших с моря те злополучные фрегаты. Их предварительно освободили от грузов и судовой оснастки, включая аккуратно снятые мачты. Сначала на пологое каменистое дно побережья облёгчённые корабли подгоняла приливная волна, потом по устроенному бревенчатому настилу, словно двумя концами невода, поморскими канатными воротами, а также тягой лошадей и людей их по очереди завели на большие деревянные салазки, на которых покачали дальше в сторону Нюхчи, подкладывая под них круглые брёвна-катки.

Сухопутному Фотию столь нелёгкая операция, конечно, показалась диковинной. Однако же участвовавшие в ней поморские рыбаки делали свою работу привычно и споро. Потом уж, на вечернем привале, делясь впечатлениями об успешной протяжке, они спокойно и обстоятельно рассказывали, что не раз так же выволакивали на берег свои карбасы и кочи. Пусть их судёнышки были не столь велики размером, так ведь и управляться им тогда приходилось силами артелей гораздо меньшей численности.

Фотий запомнил, как нервный высоченный капитан с усами торчком нетерпеливо вмешивался в организацию работ окриками-приказаниями, а то вовсе сам хватался за канаты, вставая в ряды бурлаков. Видно было, что волок для него привычное действие. Вслед за ним суетливо поспешали офицеры чином повыше вместе с богато одетыми иностранцами и русскими боярами, тоже обритыми до голых подбородков и обряженными в иноземные кафтаны. Все они, подражая царю Петру, пытались выказать своё усердие тем, что будто бы наравне с дюжими мужиками изо всех сил тянули бечеву, хотя чаще просто путались у бурлаков под ногами и невзначай сбивали с проверенного ритма «Дубинушки»...

«Эх, ухнем!» — напрягали мужички мускулистые тела по сигналу вожаков ватаг и под посвист кнутов, которыми возчики подгоняли впряженных в длинные помочи лошадок... «Ещё ухнем! Эх, зелёная сама пойдёт!..» И — надо же! — громады фрегатив впрямь дёргались

следом за дружно склонявшимися к югу напряжёнными фигурами десятков людей и потугами сотни крестьянских коняг. Они громыхали на окорённых кругляшах, прокатывались на три-четыре метра, опять чуть замирали на месте и снова вздрагивали, натужно подавались вперёд, со скрипом, но двигались, катились всё дальше, подчиняясь упрямо тянувшей их к лесу могучей порывной силе. А рядом, обгоняя сбоку медлительный караван волока, вытягивалась в сторону рыбацкой деревеньки Нюхча и уже далеко за неё в тёмную тайгу колонна солдат, подвод и карет, выгруженных с других кораблей флотилии или раньше подошедших берегом по протянувшейся до самого Архангельска обновлённой дороге.

Царь в тот раз не стал дотемна забавляться участием в бурлацкой тяге. Правда, учитывая торжественность момента, он всё же не упустил повода устроить привычную церемонию с благословением христианского воинства в трудный путь от святых отцов. Сбравшиеся возле Нюхотского усолья силы десанта напутствовал в дорогу иконами Спаса и преподобных Зосимы и Савватия игумен Соловецкого монастыря владыка Фирс. Накануне государь ублажил его тем, что поднёс настоятелю драгоценный митрополичий пастырский посох и оставил на нужды обороны обители 200 пудов пороха, а взамен взял с собой часть монастырской артиллерии. После церемонии прощания с соловецкой братией, убедившись в том, что фрегаты встали на салазки и начали рваное движение по заданному маршруту, Пётр с сыном Алексеем и ближней свитой отбыл ночевать в деревню.

С виду казавшееся вздорным решение о волоке полюбившихся ему «яхточек» самому Петру тоже пришло в голову спонтанно, под давлением прояснившихся обстоятельств. В его планы это не входило. Но известия, полученные накануне со свежей почтой, принудили царя внести коррективы в устройство без того многотрудного похода.

Две первые депеши государя явно порадовали. Послание от фельдмаршала Бориса Шереметева хоть и запоздало на месяц по срокам, поскольку доставлялось ещё не по новой трассе почтовой связи, а прежним круглым путём, но тоном победной режиссии о достигнутой

18 июля виктории над шведами под Дерптом сразу подняло настроение. Укрепило уверенность в успешном осуществлении задуманного манёвра также сообщение удачливого воеводы Апраксина о последовательном вытеснении неприятельских отрядов с мыз вблизи Нотебурга. Но вот весть от стольника Татищева с верфи на Сяси, увы, оказалась удручающей: боевые корабли, на которые делался расчёт в противостоянии с флотилией адмирала фон Нумерса на Ладоге, так и не были готовы.

Вот почему царь пришёл к решению захватить с собой новые солонбальские фрегаты, пусть невеликие, но вполне боеспособные, годные именно для того, чтобы прикрыть с воды штурмовые действия пехоты при атаке ненавистной вражеской крепости, стоящей на острове посреди Невы, совсем неподалёку от её истока с Ладожского озера. Зная о давних навыках поморов в волоке судов на немалые расстояния, Пётр в ту ночь решился-таки довериться их опыту. И по первому впечатлению о чёткой организации вытягивания кораблей на берег, похоже, не ошибся.

Побег Фотия

Тревожный сон видел спящий на неудобном колючем лабазе Фотий. Снились огромные, нависающие над ним корабли, словно догоняющие его по привязанной на груди удушающей бечеве — вот-вот уж готовы раздавить беззащитного бурлака многопудовым весом под ритм ухавшей в самое сердце неуёмной «Дубинушки». Снился и страшный сержант Щепотев. Сначала урядник со злорадной усмешкой погрозил мужику длинным корявым пальцем, выглядывая из-за красного соснового ствола, следом вдруг превратившегося в истерзанное окровавленное тело. Потом его голова в помятой треуголке, шевеля помертвевшими губами и бессмысленно вращающимися белками глаз, медленно отделилась от туловища, которое тоже вдруг попыталось взлететь, неумело взмахивая руками, как утка с раненым крылом... А сержантские ноги в тупоносых изношенных башмаках бежали по воздуху сами по себе и норовили дотянуться

до Фотия размашистыми пинками. Глухо кашляя и хохоча, ожившие башмаки раззявили пасти между облупленными кожаными носами и отвалившимися от них подошвами.

Фотий резко повернулся во сне и застонал от пронзившей бок ожидаемой боли — как будто его в самом деле настиг пинок сержанта. Ан нет, то впился под ребро острый сук, вывернувшийся из хвойной подстилки. Распахнув наконец глаза, мужик увидел хмурый рассвет, робко пробивавшийся сквозь смыкавшиеся серые облака, обещающие продолжение вчерашнего ненастья. В северной стороне просеки всё так же высилась громада ближнего фрегата. Возле бревенчатой трассы в лесу пылали многочисленные костры, к которым из наскооро сбитых зимушек, насыпных землянок и разномастных шалашей подтягивались изголодавшиеся люди. Внизу о чём-то горячо спорили меж собой раньше проснувшиеся бурлаки ненароком сложившейся артели, разогревавшие на костре большой котелок с похлёбкой. Перед тем как соскочить с лабаза на землю, Фотий прислушался к занимательному разговору, прояснившему причину сновидения, нарушившего его покой.

— ...Точно вам говорю! Царь давеча самолично голову срубил извергу Щепотеву на высоком взгорке Ветряного пояса... Сам от людей слышал. Зря врать не будут, — хрипло кашляя от простуды, натужным шёпотом рассказывал сидевшим у костра приятелям шустрый крестьянин с Унежмы, кривя обезображенный шрамом рот, за который его прозвали Васькой Заячьей Губой.

— За что ж так батюшка-государь осерчал на своего любимца? — поинтересовался степенный сумпосадский помор Фёдор Артемьев.

— Да бают, будто бы тот слишком донимал знатного поморского кормщика Антипа Панова, коего государь шкиперской одеждой со свою плеча одарил за то, как Антипка ловко его яхту меж скал по морю провёл... Кормщик-то, дескать, изобиделся на приставаания позавидовавшего ему злыдня-урядника да нажалился на него самому царю, а Пётра Ляксеич сразу хватить саблю и секир башка обидчику сделал... Верно говорят: царь не огонь, а ходя возле него, опалишься.

— Брехня это всё! Истории о том, как Антип Тимофеевич в Унской губе молодого государя спас и получил от него в награду царёво платье, уж лет десять нонче сполнится. О том у нас с той поры песни поют да сказки сказывают. Во всяком случае, я её тогда ещё слыхивал, — уверенно отрубил сумпосадец.

— Вот-вот, иначе люди говорили, не про кормщика совсем, а про молоденького царского денщика, который за Оштомозером от дождя промок до нитки... Помните, какой тогда ливень жажнул? — включился в беседу нюхотский солевар Афоня Алексиев. — А государь его уж у Маслицкой горки пожалел и велел ему надеть свой сухой кафтан, который служивый в кожаном кошеле сберёг. Токмо Щепотев увидел парня в царском одеянии — обзавидовался. Стал над Ванькой-денщиком измываться, обзывать его подобным самому царю утренним солнышком да железной своей тростью в брюхо, в бока и спину тыкать... Пётр Алексеевич разок предупредил охальника: мол, уймись, не люблю этаких насмешек. А Михайла опять ослушался, забыл, что Бог долго ждёт, да больно бьёт. Государь терпение потерял, выхватил пистоль и застрелил упрямого балабола...

— И на старуху бывает проруха... Туда ему и дорога, ироду проклятущему, — перекрестился на хмурый рассвет нижмозерский крестьянин Оська Иванов. — Вредный был человек, лютовал шибко. На нас глядел, будто пятерых живём проглотил, а шестым поперхнулся. Вовек не забуду, как он грозился всех лесовых мужиков-мошников вместо пыжа в пушку забить и с двойным зарядом пороха в небо выпалить.

— Эка ж он хвалился, что царь его за усердие особливо ценит, — снова вставил словечко Васька Заячья Губа, ничуть не обидевшийся на то, что его байку пересказали совсем по-иному. — Помните, как он хвастливо говаривал: «А мне бы пусть ясен месяц ярко светил! Часты звёздочки тростью сощёлкаю. В ольховый бурачок соберу, вон выброшу». Кабы не «кабы» да не «но», он бы генералом был давно!

— Уймись, пустобрёхи, — спустившись с лабаза, присоединился к компании Фотий, привалившись спиной к землистому корневому ворсу прикрывавшей костерок от ветра внушительной сосновой корокоры. — Вы же мне

своими нелепыми сказками страшный сон погнажи про окровавленную голову урядника Михайлы... А он, уверяю вас, жив-здоров. И всякого из вас переживёт, ежели в бою каком голову не сложит. Скорее вы тучочки в петле бечевы удавитесь, в бурлацком ярме подохнете, как вон уж лошади дохнут от непосильного тягла и бескормицы.

— Тебе-то, Фотий, откуда про Щепотева ведомо? — разочарованно спросил Афоня.

— Вспоминай, когда мы на той Маслицкой горке гужи тянули? Дня два тому. Меж тем вчерась я своими глазами видел, как Щепотев, живёхонький, в сторону Вожмосалмы проскочил переправу налаживать. Так что раненько вы его похоронили. Какой-то разлад с государем у него, слыхал, впрямь учинился. Да только, по всему видать, оттого, что дороженька щепотевская оказалась не готова к подъёму фрегатов на взгорок... Эвон как мы тогда измучились, вытягивая ненавистные кораблики на Ветряный пояс...

— Да уж, не приведи Господи подобную работёнку испытать снова. Горка не ямка — всю грудь сдавила лямка, — угрюмо согласился Фёдор Артемьев.

— Откуда ж тогда берутся сплетни про случившееся наместни смертоубийство? — не унимался Васька Заячья Губа.

— Так то ж в ночь высадки войска на Вардегорах какая-то пьяная свара произошла промеж иноземных офицериков, — вспомнил Фотий подходящий к месту случай. — Как это у них, дуэля, кажись, зовётся. Вот один другого и заколол до смерти.

— Ты, что ль, Фотий, про голландского капитана Памбурха помянул? — оживился Фёдор. — Я ж его на лодке с корабля до берега переправлял. А опосля выглядывал, но уж не видел нигде. Говорят, то ли помер он, то ли погиб в нечаянной стычке и уж обратно в Архангельск отправлен. Вон, значит, как оно выходит. Здоровенный был мужичина, сильный. И характером с нашими русскими схож. Вот его мне сердечно жалко. Коли так, Царствие ему Небесное!

— Тот капитан иноземный, небось, лютеранин поганый. Что ж ты его по-православному поминаешь? — возмутился нижмозерец Оська.

— Все мы, христиане, под одним Богом ходим. И всем нам на небесах места хватит, ежели спо-

добимся на земле того заслужить, — успокоил земляка сумпосадец.

— Нешто мы трудами своими тяжкими ради царя и Отечества милость себе такую не заслужим? — палкой снимая с огня котелок с готовой похлёбкой, уныло промолвил назначенный утренним кашеваром Афонька Алексиев.

— Господу Богу надобно гораздо боле служить и радеть, а не царю-антихристу, — грубо откликнулся Фотий, доставая из-за пазухи завёрнутую в тряпицу выщербленную деревянную ложку. — Тут в окрестных таёжных скитах да выше по Выгу-реке благочестивые братья-староверы живут. Вот у кого не мешает праведной жизни поучиться! Вот куда я при удобном случае обязательно подамся...

Устроившись вокруг котла и наскоро перекрестившись на хмурое небо, артельщики принялись по очереди уминать за обе щеки горячее полужидкое варево, содержавшее смесь жестковатой ячменной крупы с толокном. Ели сосредоточенно, молча, пока ложки не застучали по дну. Уже заканчивая скромный завтрак и отхлебнув глоток воды из деревянной фляги, обстоятельный Фёдор Артемьев наконец высказал дозревшее у него возражение:

— Пожалуй, насчёт царя-антихриста ты, Фотий, палку-то перегнул. В народе с уважением о Петре Алексеевиче говорят. Он простых людей не забижает. Напротив, знатным вельможам спуску не даёт, тоже трудиться их заставляет и сам тяжёлой работы не чурается. И деревья рубит, и валуны тягает, и сваи забивает... Бают, первую мостовину от деревень он в дороженьку тоже собственными руками кладёт, вторую — царевичу Алёше дозволяет положить, а потом и всех бояр в очередь ставит... А вчерась на разрушенной бурунами переправе под Пулозером государь будто самолично вплавь в речку бросился, чтобы свайку посередке покрепче забить под новый настил. И вслед за ним солдаты да простолюдины, не жалеючи себя, на помощь бросились. Быстро мост восстановили...

— Ха-ха-ха! — Фотий нервно хохотнул. — Так и рождаются геройские байки! Фёдор, ты сам-то веришь в этакие сказки? На кой ляд, скажи мне, царю собственноручно рубить деревья, тягать валуны или некую мостовинку класть, ежели до него почти вся дороженька сполна расчищена да

брёвнышками выслана? Ах, там, небось, как раз пустое местечко у деревушки на утоптанном просёлке осталось. И без той мостовинки бы его караван легко проскочил. Но ить царю с царевичем зело треба отметитья. Как же иначе — они тоже свои белые рученьки к великому делу приложили... Народ должен запомнить их старания на века! Да и с переправой той, якобы разрушенной, загадка выходит. Я весь тот путь до Нюхчи собственными ногами протопал. Уверяю, вполне прочный там мост стоял, на надёжных клетях, никак не могла его река в одночасье снести. Може, государь наш заплутал малость в здешних канабрах да оргах, по ошибке не в том местечке речушку переходил да заодно опять решил отличиться в памяти людской небывалым доселе примером? Вы, ежели хотите, верьте в эту чушь. А я не земному царю-пустозвону, я токмо Царю Небесному верю. С тем и проживу как-нибудь.

...Следующим промозглым утром, снова выдавшимся крайне дождливым, приятели-артельщики не нашли Фотия в плотном хвойном шалашике, который он так тщательно устраивал с вечера над своим очередным лабазом. Он всё-таки обманул промокшие под затяжным ливнем караулы и сбежал в тайгу к непокорным раскольникам.

Стоянка в Вожмосалме

Беспощадное небо с ночи заливало землю бескончаемыми дождевыми струями. Потому в походе пришлось сделать непредвиденную остановку, прервав переправу обозной колонны по изрядно качавшемуся и скользкому от воды наплавному мосту через узкий пролив из Выгозера в озеро Боброво. Заночевавший в Вожмосалме с авангардом войска Пётр Первый с утра был раздосадован непривычной бездеятельностью. Чтобы не терять время даром, он решил привести в порядок попутные дела, для чего позвал на совет фельдмаршала Фёдора Головина и верного порученца Меншикова.

— Вот уж не зря говорят про этакую гнилую погоду: льёт как из ведра. А меня местные старосты вчера упрашивали на церковную службу сходить в их Ильинскую церкву. Подкараулили с хлебом-солью, кланяются в пояс и рекут, что,

дескать, сам Илья-пророк велел им меня в гости позвать. Хотя, по всему видно, мутят старики, ведь Ильин день уж с месяц как минул... Но я сдуру обещался, да куда тут наружу высовываться в хлябь несусветную, — хмуро дымя трубкой, взглянул Пётр в сторону зятянутого бычьим пузырьём маленького окошка, по которому барабанили тяжёлые капли дождя.

— Мин херц, так выгорецкие старшины и сей-час мокнут под навесом сенного сарая, куда хозяйева дома перебрались. Всё терпеливо дожидаются, когда ты соизволишь к ним выйти и проследовать на погост, — заметил сидевший за столом ближе к двери Меншиков.

— Слушай, Данилыч, отпусти ты их с миром... Да червонцев на устройство церкви отсыпь, но объясни, что, видать, не очень-то ждёт меня нынче Илья-пророк, раз сплошной ливень наслал. Держи им от меня гостинец, — царь достал из кошеля горсть золотых монет и сунул в подставленные ладони поручика. Тот быстро сорвался с места, накиннул на плечи епанчу и выскользнул в дверь. Через мгновение его зычный голос послышался во дворе. Он, как опытный глашатай по написанному указу, почти слово в слово повторил сказанные ему царёвы слова, да и деньги не утаил — долго потом народ о том вспоминал.

— Старички выгозерские низкий поклон вашему царскому величеству передали и слёзную благодарность за оказанную им высочайшую милость. Ушли без ропота, но с пониманием, — доложил вернувшийся в избу Меншиков, скидывая успевший пропитаться влагой плотный суконный плащ.

— Ну что ж, тогда спокойно приступим к делам. Что там у нас самое срочное, Фёдор Алексеевич? Есть ли свежие депеши? — спросил Пётр, выбивая трубку в потемневшую от пепла деревянную плошку.

— Только что подоспела долгожданная весточка от стольника Татищева. Свежайшая, вчера ранним утречком с верфи на Сяси отправлена, — степенно развернул уже прочитанный им свиток Головин, возглавлявший Посольский приказ и управлявший в походе государственными делами, за что и был прозван канцлером. — Иван Юрьевич наконец радуется нас доброю надеждою. Пишет, что два малых фрегата, заложенных по

январскому указу вашего величества 1-го мая на реке Сяся, будут готовы «в скорых числах».

— Слава тебе, Господи! Очухался-таки Ванька после моих нагоняев. Ох уж и зол я был на него за допущенные промедления. Хотел даже от службы отрешить, сослать куда подальше... А он — на тебе, шельмец, изловчился да вывернулся. И впрямь доброй вестью порадовал, — царь широко улыбнулся, на время забыв о ненастье, задержавшем его в глухом карельском краю. — Только что ж нам нынче делать с теми фрегатами, кои мы за собой тянем? Я ведь потому на их волок решился, что не имел никакой уверенности в готовности татищевских судёнок.

— Так и теперь, мин херц, добрая надежда ещё не твёрдая уверенность, — вставил ехидное замечание Меншиков. — В самом ли деле будут те фрегаты готовы — вилами на воде писано. А на наши можно рассчитывать в полной мере.

— Да уж больно тяжко бурлачкам волочь сии нелегкие кораблики в этакую непогодь по болотам и буеракам. Сами же мне докладывали про начавшийся падёж лошадей и появившиеся хвори среди людишек. Как думаете, может, напрасна моя затея? Может, плюнуть да оставить яхты в тайге, дабы ускорить поход? — задумчиво спросил Пётр.

— Батюшка-государь, но яхты твои поход ничуть не сдерживают. Войско и обозы с придворными да со всеми припасами двигаются впереди по мере возможностей. Мы без ожидания фрегатов сможем в назначенные сроки дойти до Повенецкого рядка и погрузиться на собранные там суда. А сии судёнышки, меж тем, мужички дотянут туда без спешки. И они нас потом в пути нагонят. Если же застрянут невзначай, так и жалеть не о чем, — развеял сомнения самодержца рассудительный Данилыч.

Головин, сидевший возле стола перед кипой бумаг и чернильным прибором, чуть погода стал искать в стопе депеш поступления донесений от занятых устройством похода порученцев, когда Пётр велел напомнить, сколько да каких судов удалось собрать в Повенце и хватит ли этого количества для перевозки всех людей и грузов по Онежскому озеру. Канцлер внимательно сравнивал даты и данные полученных сообщений и затем подвёл итог:

— Месяц назад у Муханова были собраны

21 карбас да 54 соймы гребных длиною по пять и по шесть сажен. И к началу августа «пришёл на Повенец карбас: длина — 63 фута, да сойма длиною семи сажен, крытая, а из Ладоги, которые суда посланы 10-го числа, 12 соем болших, длины по 40 фут и болши, да ис Сяского Устья послано ж 1 полукарбас, да две соймы длиною по семи сажен, да десять соем гребных...» И Щепотев вот что отдельно писал о трёх судах с яхтенным оснащением: «Да моей Михайловой работы два судна. Одно оснащено, а другое почал снастить и к вашему приезду будет в готовности. А те суды зделаны одно так, как в Новгороде делал Александр Данилович, а другое, какое я делал в Новгороде. А ещё к тому числу будет в прибавку, а сколько числом, о том ведомости нет». В другом его письме сказано: «А ещё готовое судно есть поменши моих у Ипата Муханова третье». Значится, в сумме сложится уж больше ста судов. Флотилия по вместимости получается не меньше той, на какой мы шли на Соловки из Архангельска.

— Если Михайло вспоминает наши с ним новгородские опыты, то да, те кораблики впрямь вышли вместительные. Но вот сколько людей смогут взять на борт рыбачьи карбасы и соймы? — для уточнения поинтересовался Меншиков.

— По поводу тех новодельных яхточек Щепотев писал мне тогда, что готовит их специально для нас с государем. Дескать, «одно — про капитана, а другое — про милость твою», — важно ответил Головин. — А о вместительности соем общал так: «человек по 35, и по 20, и по 15». Карбасы, пожалуй, поболее людишек возьмут. Но нам же главное в первую очередь четыре тысячи гвардейцев и воинские грузы перевезти. Не беда, если не влезет кто из двора царского, из духовного синклита или дипломатического корпуса... Те попозже доберутся на освободившихся судёнках или посуху своим ходом доедут...

— Верно говоришь, Фёдор Алексеевич, они свою роль в нашем шествии уже исполнили. И теперь с прихваченными запасами не пропадут. Согласимся с тем, что мы имеем отменные результаты. Сегодня 21-е августа, а мы уж прошли половину пути от Белого моря до Онежского берега, — не скрывая гордости, царь ткнул чубуком трубки в точку, отмечавшую деревушку Вожа-салма на лежавшей перед ним карте, изготов-

ленной для государя голландским гравёром Адрианом Шхонебеком. — За столь скорое продвижение по былому бездорожью, за мобилизацию достаточного числа людей и лошадей, подвод и кораблей будет повод поблагодарить и урядника Щепотева, и писаря Муханова, и посланных им позже в помощь офицеров... К чему я о том говорю? Да вот вспомнил, как третьего дня накричал на нашего неутомимого Михайлу. А он вон как ловко с мостом через проливчик придумал. Надо же, прямо по карбасам проезжий настил положить. Я и сам дока в хитрых затеях, но о подобном способе переправы не слыхивал. Хочу спросить Михайлу, как ему в голову этакая светлая мысль пришла. Да заодно не мешает дать понять, что я вернул ему своё расположение...

— Сие точно не помешает, мин херц. А то наш бедный Михайла последние дни ходит не то что от дождя мокрый, но будто весь в воду опущенный по самую макушку. В народе говорят, что ты, государь, крепко на него осерчал за какие-то прегрешения, а посему то ли самолично его саблей на куски изрубил, то ли застрелил из пистоля, то ли плетью высек нещадно, то ли просто палкой пришиб, — с ухмылкой отпустил привычную шутку Меншиков, позволявший себе вольности из-за особой близости к царю и раньше других узнававший ходившие среди простолюдинов слухи.

— Неужто аж до таких выдумок дошло? — подивился Пётр. — Негоже так, ведь Михайла ещё со времён потешных полков у меня на хорошем счету. Смелый, исполнительный, безотказный вояка. Что ж ты, Данилыч, сиднем сидишь? Тем паче надо Щепотева сюда позвать да успокоить, пока оказия есть.

Поручик ненадолго отлучился в сени, а по возвращении доложил:

— Пока приказал кликнуть сержанта, гляжу, подошёл генерал-инженер де Герен. Говорит, ему твоё величество аудиенцию назначил.

— Помню, звал я сего задиристого петушка. Надо же и с ним наконец вопрос решить по случаю вардегорской стычки. Эх, кабы не был он французом да не был мне так нужен его инженерный талант, намылил бы я ему шею и выгнал со службы пинком под зад! Это за то, что он в нарушение моего указа о запрете дуэлей заколол своей шпажкой славного капитана Памбур-

ха... Конечно, неистовый голландец впрямь был пустобрёхом и пьяницей, но морское дело знал лучше многих. И вообще, любил я его широкую натуру. Увы, госпожа Фортуна благоволит счастливицу Ламберу. Вот и с наведением моста через Выгозеро он давеча добрыми советами Щепотеву помог. Более того, его знания и навыки нам скоро под Нотебургом зело пригодятся, да и позже для строительства новых крепостей на Балтике полезны будут. Зови генерала, Данилыч! Зараз полюбопытствуем у него, не ищут ли идущие с нами иноземцы возможности поскорее сообщить шведам о нашем тайном походе, — обозначил интерес к де Герену предусмотрительный Петр.

Жозеф Гаспар Ламбер де Герен вошёл в деревенскую горницу с придворными церемониями, как в какой-нибудь дворцовый зал, — с изящными поклонами, подметая перьями сырой широкополой шляпы некрашенный дощатый пол. Промокшую верхнюю накидку он предусмотрительно оставил в сенях, а потому выглядел по своему обыкновению безупречно, будто на торжественном приёме. Да и запах в прокуренной избе сразу изменился — в густо пропитанном табачным дымом воздухе появились ароматические нотки тонкого французского парфюма.

— Фу-фу, братец, этак ты нас совсем обвоняешь своими парижскими духами, — Пётр, не любивший у мужчин новомодные увлечения, утверждению которых сам же немало способствовал, демонстративно разгонял воздух перед носом сшитыми вместе листками «дела» о недавней дуэли, без промедления поданными государю научившимся расторопно вести канцелярию Головиным.

— Итак, месье де Герен, небось ты сам догадываешься, по какому случаю я тебя позвал, — придав голосу подобающую строгость, прервал царь церемонное начало встречи.

— Да, сир, я глубоко осознал свой вина. Но как дворянин я не мог иметь терпений на оскорблений в мой честь, — смело глядя в глаза сюзерену, гордо ответил француз.

— Неужто ты, месье, не знаком с подписанным мною генварским указом «О нечинении иноземцами между собою ссор и поединков», который составил присутствующий здесь Фёдор Алексеевич Головин? В нём под смертным стра-

хом запрещено всем служилым высшим и нижним чинам устраивать меж собой всяческие задоры. Их причиной не могут быть даже оскорбления и недружбы, на которые ты ссылаешься...

— Я всё знаю, но я по вынуждений обороняю себя, защищала свой жизнь... Капитан Памбурх напаль первый... Я отбил его атак и просто сделала свой выпад, как умею, как учил мой папа... Я не хотела его убивать... — пытался теперь оправдаться смущенный де Герен, не скрывавший некоторого сожаления о смерти приятеля.

— Не понимаю, месье, как же так получилось. Вы были с Питером фон Памбурхом конфиденциально трактованы. И вдруг нелепая пьяная ссора. Можно сказать, в разгар военных действий, — Пётр заглянул в бумаги, которые пока не выпускал из рук. — Свидетели утверждают, что капитан отчего-то был зол на вице-адмирала Крюйса, говорил о нём поносные слова и готов был сразиться со всяким, кто высказывался о сем славном моряке с уважением. Правду ли сказывают?

— Да, сир, так и было. Мы и раньше спорили о Крюйс, но без выниманий шпаг. И я думала, што на мой удар капитан мог дать отражение... Увы, мне ошень шаль... — чужеземец смутился.

Пётр усмехнулся:

— Ещё бы не жаль! Согласно указу смертной казни без всякой милости следует подвергнуть любого, кто хотя бы поранит своего соперника или только сделает ему похвальбу и устратит на дуэль... Но, похоже, таковой стороной в сей стычке был сам капитан Памбурх. Свидетели дружно утверждают, что он сам на шпагу насулся. Так тому и быть! — сменив гнев на милость, порешил Пётр. — Конфуз какой-то выходит, прямо как в переиначенной пословице: одной смерти уж не миновать, а двум не бывать. Посему ты, месье де Герен, от указанного наказания освобождаешься и можешь спокойно продолжать службу далее. Знаю, господин генерал-инженер, что ты не утратил моего доверия. Надеюсь, что случившееся послужит тебе хорошим уроком на будущее. Но впредь прощения за нарушение моих приказов не жди!

— Сир, я выражай искренний благодарность за доверие и даю обещаний быть всегда верный для ваше величество, — на сей раз смиренно склонил голову генерал.

— По крайней мере, я тоже могу удовлетвориться хотя бы тем, что потерял только одного верного слугу, а не двух сразу, — царь отложил на стол дело о дуэли и наконец предложил де Герену сесть на подставленный ему Меншиковым массивный табурет.

— Ладно... А теперь поговорим о том, что нас сегодня волнует больше. Кажется, ваши соотечественники по такому поводу говорят «вернёмся к нашим баранам», — чтобы перебить запах дегереновских духов, Пётр снова набил свою трубку и прикурил, давая понять, что официальная часть аудиенции окончена и теперь можно беседовать свободнее. — Так вот, месье, хочу у тебя полюбопытствовать, что говорят о нашем походе знакомые тебе иноземцы?

— О, все не скрывай удивлений. Ваше решение, сир, был полный сюрприз... А последний мост совсем поражает мой воображений, — искренне признался де Герен.

— А нет ли у кого желания побыстрее сообщить сии новости в посланиях знакомцам?

— Кто имей такой желание, уже отправил почта из Ниюхча. Правда, кто-то недавно спрашивал, можно ли слать почта на новый короткий линия связи... — вспомнил француз. — Кажется, голландский посланник Фан дер Гульст. Но я и сам не знаю, как сие делает...

— Ну да, ты же у нас в опале числился и до иных секретов допущен не был, — усмехнулся Пётр верности своей догадки. — Предвидел я подобную почтовую суету. А теперь, Данилыч, мы всем шпионам нос утёрли. Да плюс к тому ещё в Архангельске смутили наушников слухом, что пойдём оттуда морем воевать свеев прямо в норвеги. Помнишь, как я тебе о том в Вологде говорил? Вести о моём сидении в Архангельске или вероятном рейде нашего флота по северным морям, должно быть, уже дошли до европейских дворов. А свежие депеши из Ниюхчи по старому пути только через полтора-два месяца туда доберутся. Мы под Нотебургом раньше будем.

— Зато как прытко пошла почтовая гоньба по сей новой дороге! Вон от Татищева с Сяси всего за сутки депеша долетела. И я нынче уж весточку получил из самой Первопрестольной, от дражайшей моей супруги. Дарья Михайловна подтверждает, что 18 августа, к двухлетию нашего бракосочетания, успело дойти до неё моё

поздравление, посланное с Соловков. Да и то скоро, если за три дня от Архангельска до Новгорода курьеры скачут, а в недельный срок по всему кругу оборачиваются. Ловко, мин херц, ты всё придумал! — польстил сюзерену Меншиков, тонко почувствовав, что тот ждёт от него именно одобряющей его дальновидный замысел похвалы.

— Отныне, господин генерал-инженер, ты тоже посвящён в наш тайный план. Да, мы двигаемся к Нотебургу. Посему, месье де Герен, освежи-ка в дороге свои прежние задумки по организации штурма сей крепости, поразмысли, как её поскорее одолеть. А пока выдвигайся вперёд к реке Выг, где сооружается такой же наплавной мост, как через пройденный проливчик. Помогите там мастерам толковыми советами. Желаю успеха!

Надежда и опора

Проводив генерала де Герена до двери и немного выждав, Меншиков приглушённым голосом всё же не удержался от замечания:

— Ой, не лежит моё сердце к этому напыщенному павлину, государь! Какой-то он изнеженный, чужой, по духу совсем не русский...

— Велика невидаль, коли он и впрямь по рождению француз! — усмехнулся Пётр.

— Не скажи, мин херц, иные иноземцы быстро русские обычаи усваивают и почти нашенскими становятся, — увещевал Меншиков. — Как незабвенный наш друг Франц Лефорт, вице-адмирал Крюйс или тот же капитан Памбурх... А сей французик на них не похож, особняком держится, о чём-то своём думает, всякий раз ответ в исковерканных словесах прячет. Случись с ним сколь серьёзное испытание — не выдержит, сбегит со службы.

— Поживём — увидим. В другой раз провинится, так сам его выгоню взащей! Но доколе его служба мне потребна, пусть отрабатывает немалое казённое жалованье! — сурово рубанул Пётр. — Для опоры мне сейчас мало только верности соотечественников, на знания коих я не могу столь же твёрдо надеяться, как на иностранцев. Каждый из них зело более мастеровит и искусен в своём деле, чем многие наши совершенно не

образованные подданные. Так и приходится их пока делить: одни опору составляют, а другие изрядные надежды подают.

— Кстати, Пётр Алексеевич, посвяти меня, дурака, почему ты сему де Герену, как и другим французам, заметно больше жалование кладёшь, чем, скажем, голландцам или италийцам, но почти вровень с немцами? — не удержал Меншиков своё любопытство.

— Заметил разницу, чертяка? — царь сам увлёкся случайно возникшей темой. — Сии соображения созрели у меня из наблюдения за национальными привычками иноземцев. Согласись, французы — люди лёгкие и беспечные. Обычно они живут на широкую ногу, немало тратятся на модные наряды и дорогие духи, посему быстро проживают здесь буквально всё, что получают.

— Однако немцы не в пример им бережливее, — попытался возразить Меншиков, — но ты их с лягушатниками равняешь...

— Немец любит хорошо поесть и попить, оттого у них тоже мало из заслуженного жалования остаётся при всей их хвалёной бережливости. А бедные голландцы и итальянцы экономить привыкли гораздо более, посему по характеру скарденные. Они лишнего на свои нужды не потратят, но скорее изловчатся отложить запас на будущее. Скупость у них не от скудости происходит, но как раз от непривычного для них богатства.

— Многие из них вовсе не скрывают того, что нанимаются на службу к тебе, чтобы побольше денег заработать. А потом уж безбедно жить с ними у себя на родине, где не могут рассчитывать на похожие доходы, — поддакнул царедворец.

— То-то! Но теперь, Данилыч, попробуй-ка сравнить их всех с англичанами. Вот уж кому надо платить особенно щедро, — Пётр явно гордился своими выводами об иноземцах. — Англичанин любит всюду и всегда жить хорошо, роскошно, хоть ему потребуется самому для того добавлять к жалованью из собственного кармана. Для этих транжир деньги что пух, только дунут на них — и нету. Значит, их расходы обратным прибытком казне быстро вернутся...

В этот момент раздался стук в дверь. Услышав снаружи знакомый голос, Меншиков дал разрешение войти новому посетителю. В избу ввалил-

ся промокший до нитки и запыхавшийся от спешки по царскому вызову сержант Михаил Щепотев. Он приветствовал Петра не как самодержца всея Великия, Малыя и Белыя Руси, а по заведенному в Преображенском полку порядку:

— Господин капитан-бомбардир, урядник Щепотев по вашему приказанию явился!

— Вижу, братец, твоё мокрое явление — словно из крещенской купели. Хочу поблагодарить тебя за отменную службу. И за всю устроенную тобой таёжную дорогу, и особливо за придумку с мостом на Выгозере. Не сердчай на меня за давешний строгий выговор, Михайла. Сам знаешь, в большом деле иной раз не сдержишься, накричишь на кого, а то и пристукнешь, чтоб людишки расторопнее шевелились. Это ж не со зла, но только пользы ради. Проходи ближе к столу, присаживайся — в ногах правды нет, — Пётр старался говорить с обиженным им недавно сержантом мягко и ласково, чтобы загладить нанесенные верному служаке душевные раны.

— Премного благодарен, господин капитан-бомбардир, — неуверенно присел на край табурета Щепотев, ещё более, чем гневом, испуганный редким царским благоволением.

— Нам тут интересно, Михайла, как ты додумался рыбацкие карбасы под мостовой настил сплотить, чему даже вышедший недавно отсюда генерал-инженер де Герен подивился? — Пётр сразу перешёл к занимавшему его вопросу.

— Так вот, значит, долго я на сей счёт голову ломал, раздумывая, как же мочно одолеть сии водные пространства, — смущённо покашливая в левый кулак и отирая правой рукой стекавшие с мокрых волос струйки воды, начал объяснение малость успокоившийся урядник. — Да сам бы, признаюсь, вряд ли и придумал такую каверзу. По правде сказать, надоумил меня на сии ухищрения староста выгских раскольщиков Андрей Денисов-Мышецкий, смекалистый мужичина, скажу я вам... В здешнем Даниловом монастыре на Выге они с братом его Семёном в головку старшин входят. Большаками у раскольщиков прозываются.

Пётр заинтересовался:

— И много ли там, Михайла, в расколе народу живёт?

— Говорят, больше тысячи работных людейшек будет...

— Слышал я, конечно, что есть тут большое раскольничье гнездо, но никак не подозревал о таком количестве опального люда в одном месте, — удивился царь. — А правда ли, что народец сей zelo трудолюбив и мастеровит?

— Сушая правда, — кивнул Щепотев. — Иначе бы энтим староверам в дебрях выжить никак не удалось.

— И чем же, Михайла, они тут занимаются, за счёт чего выживают? — всё выпытывал Пётр.

— Рожь и жито выращивают, скотину держат, промышляют охотой и рыбалкой, кожи добрые мнут, медь красную добывают, по дошедшим до меня слухам, даже ювелирным делом собираются заняться... — обстоятельно перечислял Щепотев.

— Сии вести zelo важны. Для ювелирных занятий самое изрядное мастерство требуется. И про то, что они рудознатцы да металлурги добрые, мне тоже докладывали, — удовлетворённо рассуждал Пётр. — Именно к сим хлопотам ради блага Отечества я мыслю их приставить, если они не захотят беспощадного разорения своей лесной обители...

— Разумею, никак не захотят, господин капитан-бомбардир, — поспешно подтвердил сержант. — Тот князюшка Андрей сам у меня о возможности встречи с вашим величеством испрашивал, готовность в заводском деле служить выказал и проговорился, что двойной подушный оклад раскольщикам ради сохранения старой веры платить не в тягость.

— Да что мне до их веры? — будто отмахнулся царь. — Пусть хоть Аллаху или идолам поклоняются. Мне важнее, чтоб здесь, близ театра наших марсовых начинаний, работающие люди жили, способные исправно добывать и обрабатывать руды, оружие из металла лить, своевременно его войску поставлять, казну государеву от трудов своих пополнять, — Пётр уже оседлал любимого конька рассуждений о высшей государственной пользе. — Не трону я их, если они впрямь делу моему честно послужат. Так ты говоришь, Михайла, встречи со мной Андрейка Денисов жаждет. Что ж, передай ему, готов я к сей встрече. Где и когда?

— Надо полагать, самое время — завтра, господин капитан-бомбардир. Даниловские мастера как раз отвечают за наведение моста через

Выг, и новый почтовый ям возле переправы тоже они построили. Наверняка там Денисов ожидать тебя будет.

— Быть посему! Обломаю я, Михайла, твоего умного мужчину княжеских кровей, своим сделаю. Мне дельных людей zelo не хватает, — согласился Пётр и тут же забыл о Щепоте. — Ну что, Фёдор Алексеевич, есть ли у нас ещё срочные заботы или пора нам какое-нибудь развлечение поискать? — озорно подмигнул царь Головину, выказывая окрепшее добродушное настроение.

— Все дела сразу не переделаешь, Пётр Алексеевич, кое-что и на потом можно оставить, — подхватив настрой государя, запросто ответил Головин, хорошо зная, что в подобных ситуациях панибратское обращение с самодержцем вполне позволительно.

— А я даже знаю, чем нам сейчас заняться, мин херц, — хитро прищурился гордый на выдумки Меншиков. — Прознал я, что тут по деревне один мужичок-бедолага шатается. Гольный, босой, но радостный до дури. Сын у него нынче родился. Он потому по дворам ходит, что кумовьёв приискивает. Да, видать, мужичонка тот, как голь перекатная, совсем беден — никто из зажиточных сельчан с ним кумоваться не желает...

— Никак ты мне, Алексахка, предлагаешь кумом ему стать? — расхохотался почуявший чаемую потешность затеи Пётр. — Ох уж мастак ты меня втравливать в анекдоты. Скажи, сколько уж кафтанных историй обо мне гуляет? В Нюхче угораздило кафтан на колыбельку набросить, чтобы детёныш от света истошно не плакал и выспаться мне дал. Забыл там одежду — считай, одарил с царского плеча. Ещё раньше на Вардегорском мысу какому-то голлому крестьянину поношенный камзол отдал. Потом промокшему денщику свой сухой мундир дал поносить, из-за чего мы будто с тобой, Михайла, поцапались. Давай, что ли, Данилыч, доставай мне ещё какой-нибудь старый кафтанишко — будущему куму в подарок. Этак мне самому скоро надеть нечего будет.

— Не прибедряйся, мин херц, ты же так от прохудившихся одежек избавляешься — чай, не собольи шубы раздариваешь, — смело зубоскалил приятель-поручик.

— А ты на мои шубы рот не разевай, они есть достояние казны, — шутливо нахмурился Пётр. — Ну что, захватил кафтан? Возьми ещё с собой флягу анисовки и доброй закуски. Небось, у того мужичка в избе мышья на аркане повесилась с голодухи. Так мы своими яствами кумовьёв попотчем. Да только и кумушку мне в пару подберите не из дородных и зажиточных соседок, а из самых ледащих бабёнок. Пусть теперь нашему беднячку все обзавидуются. Веди нас, Данилыч, к моему новорождённому крестнику!

Так оно было. Уж такую занятную историю на пустом месте не придумаешь. А она ведь с той поры сохранилась в народной памяти славным преданием о шествии Петра Великого по Осударевой дороге.

Встреча на Выге

Андрей и Симеон Денисовы вместе с сопровождавшим их Ильёй Белозерским дежурили в недавно отстроенной почтовой избе у переправы через Выг от самого полудня. Из Возмосалмы уже подошли составлявшие там основу наплавного моста освободившиеся рыбацкие карбасы, которые теперь даниловские умельцы успели, добавив к своим, установить под новый мостовой настил, прочно сплотив между собой. Надёжность сплотки лодок и крепежа постеленных на суда загодя подготовленных секций из широких досок, ограждённых крепкими перильцами по бокам намостья, сначала тщательно проверили французский генерал-инженер Ламбер де Герен и сержант Михаил Щепотев. В тех местах, где они указывали, выгорецкие мастера послушно ставили дополнительные скобы, прикручивали плотнее канаты, подшивали деревянные детали гвоздями. Со стороны берегов цепочка карбасов удерживалась опиравшимися на клетки бревенчатыми въездами и, хотя заметно шевелилась под напором речного течения, всё-таки устойчиво сохраняла достаточно прямую линию. Наконец вытягивавшиеся из лесной просеки колонны солдат, подводы и кареты двинулись через мост на левый берег.

Щепотев сразу известил Денисова о готовности государя встретиться с большаком староворов и намекнул, что царю, а также его любимчику Александру Меншикову не помешает сде-

лать достойные подарки. Поднаторевший в купеческих делах Андрей Дионисьевич без того догадывался, что в столь ответственных переговорах никак не обойтись без щедрых посулов, которые заодно могут представить лучшие образцы местных промыслов. У него были прихвачены и увесистый мешочек серебряных монет, и первые ювелирные изделия даниловских мастеровых. Среди даров выделялась старинная икона с суровым ликом Спасителя новгородского письма в окладе из красной меди, по которому был искусно исполнен замысловатый сканью витой золотой ободок. Вдобавок к тому в сокровищнице даниловского келаря отобрали украшенный зелёными нефритами изящный серебряный кубок, вырезанную из чёрного шунгита шкатулочку с покрытой зернью серебряной крышкой, вышитые бисером и речным жемчугом яркие накидки из красного холста, трёхстворчатый медный складень с чеканкой символики двенадцатых церковных праздников, другие поделки поменьше...

В ожидании встречи с царём светлые головы большаков переполняли тревожные мысли: всё ли ладно сложится, не пойдут ли прахом многолетние труды основателей беспоповской Выгорецкой республики, не разгонит ли всевластный самодержец их привыкшее к суровой вольности таёжное братство?..

Поводом для новых тревог стало появление ранним утром в обители оборванного, истерзанного плутаниями в таёжных дебрях Фотия, как назвался сбежавший из-под солдатской стражи бурлак, по его словам, тянувший фрегаты по Осударевой дороге. Своими рассказами о тяжких трудах попавших в жесточайшую кабалу свободных поморов, белыми косточками устилающих продвижение царя-антихриста по карельской тайге, беглец вновь посеял смуту среди братии. Сполох набата опять собрал в монастырь насельников ближних скитов. Многие из легковёрных снова убоялись скорого конца света, стали настойчиво призывать всех обряжаться в похоронные саваны, готовиться к самосожжению. Немалых усилий стоило большакам успокоить поднявшийся ропот, вызвавший к немедленной массовой жертвенности. Денисову всё-таки удалось упрямых угрозой закабаления единоверцев дать им с

братом время для завершения так долго готовившейся с одобрения всей общины миссии — личных переговоров с царём.

Пётр подъехал к Выгорецкому яму уже в сумерках на лёгкой коляске. С утра государь вволю отоспался в Вождосалме после затянувшегося за полночь гулянья на крестинах сына местного бедняка, дождался прекращения надоедливого ливня и полтора десятка вёрст до Выга решил проскочить на колёсах, тем самым получив возможность оценить вполне ровный деревянный настил на обустроенной староверскими плотниками просеке. Остановку сделал неподалёку от только что отстроенной ямской деревушки на освободившемся от деревьев взгорке, с которого хорошо было видно движение походной колонны по перекинутому через реку диковинному мосту.

Посередине намостья с заметными интервалами друг от друга гроыхали неспешно ведомые уморившимися лошадами кареты придворных, подводы с воинскими припасами, орудия на колёсных лафетах. По бокам, ближе к перилам, вытянулись цепочки шагавших вразнобой солдат, различные по уже зажжённым для освещения пути факелам, огни которых выхватывали из сгущавшейся темноты их отдельные силуэты и отсвечивавшие множеством бликов ружейные стволы с примкнутыми багинетами.

— Этак, смотрю, за ночь мы тут с переправой управимся. Похоже, никакой заминки, как на Выгозере, не случится, — удовлетворённо бросил Пётр в сторону стоявших позади него свитских офицеров. — Ну а я, чтобы в том убедиться, переночую здесь, на новой ямской станции. Эй, Щепотев, ты где? Неужто впрямь все сии строения всего за полтора месяца поставлены?

— Так точно, господин капитан-бомбардир! — выступил вперёд из-за офицерских спин получивший накануне высочайшее прощение сержант-строитель.

— И, говоришь, всю работу — и деревеньку, и мост, и просеку от Вождосалмы, сладили выговские раскольники?

— Они самые. Должен признать, никак не ожидал, что мужички-староверы настоль справными мастерами окажутся. Приезжал тут в июле уездный воевода Иван Яковлев, хотел

было крестьян с Выгозерского погоста к Олонцу отправить для обороны от шведов, но сии упрямы отказались от мостового дела отстать. Так ему и ответили, что государево веление превыше воеводского будет...

— Верно сказали. А старшины-то их, кои со мной встречи добивались, здесь ли?

— Так точно! Давно прибыли. Ждут с гостинцами в станционной избе.

— Добро. Поглядим на сих старцев и на их гостинцы...

— Осмелюсь доложить, господин капитан-бомбардир, — решился уточнить Щепотев, — на встречу с тобой приехали совсем не старцы, но вполне молодые братья Денисовы-Мышецкие и сопровождающий их вологодский купчишка, парнишка смысленый и зело любопытный.

— Мне самому любопытства не занимать. Да и поужинать нам с дороги самое время. Стол-то накрыт на наше кумпанство? Михайла, всем места и провизии хватит?

— Всенепременно, господин капитан-бомбардир. Стол на станции широкий. Кушаньями и наливочками весь заставлен. Только вас, первых гостей, дожидается.

— Что же, пойдём и откроем новый почтовый ям достойной трапезой. Но сначала заранее уговоримся вот о чём! — Пётр обратился к свите с видом заговорщика: — Выговские раскольники мне зело потребны по военным соображениям. Если сейчас их осиное гнездо потревожить, они разбегутся по лесам, уйдут на дальний север или за Урал — ищи потом ветра в поле. А тут всё ж под приглядом наших приставов останутся и делу полезному послужат. Однако сразу сие им показывать не резон. Подыграйте мне малость, дабы на первых порах страху на них нагнать — так сговорчивее станут. Потом уж по милосердию государеву мы сдобримся, простим их за своеволия и назначим в нужные нам работы.

Щепотев проскочил в горницу вперед царя, настезь распахнув перед ним массивную дверь. А внутри избы уже оказался проворный Александр Меншиков, будто невзначай раньше отцепившийся от свиты и теперь масляно улыбающийся вошедшим. Он осторожно, стараясь не привлекать внимания, придерживал ладонью потяжелевший накладной карман на

мундире, чтобы улётшееся там даниловское серебро предательским звоном не выдало причину его расторопности.

— Ваше царское величество, позвольте представить вам старшин Выговской Даниловской обители Андрея и Симеона Денисовых из рода князей Мышецких, — церемонно поклонившись и сделав шаг навстречу вошедшему Петру, вывернулся из щекотливой ситуации хитрый царедворец, словно именно для того всех опередивший, чтобы соблюсти некий ритуал представления просителей высочайшей государевой особе.

Братья Денисовы и не отстававший от них Илюха встретили государя поклонами в пояс. Андрей держал в руках икону Спасителя, убранную рушником из красного холста с нитками серебряной вышивки и узорчатыми блёстками. Симеон стоял с украшенным мастерской чеканкой медным кованым подносом, на котором лежали остальные подарки.

Протянув царю чудно написанную икону с искусно выделанным окладом, Андрей Дионисьевич степенно сказал:

— Прими, милостивый государь Пётр Алексеевич, Божественный образ сей древнего письма во освящение славных твоих начинаний на благо державы Российской.

Царь чуть смутился от неожиданного хода вожака раскольников. Вроде не к лицу было ему, православному самодержцу, принимать в дар святую икону из рук опального старообрядца. Однако ж суть уловки он разгадал быстро и с удивлением оценил её мудрую дальновидность: ведь этой древней иконе, быть может, его предки молились, все прежде жившие крещёные русичи — значит, она есть общее достояние народа, передача коего государю означает показательный шаг староверов к примирению с его властью.

Пётр всё-таки решился раньше времени сделать ответный шаг навстречу — широко перекрестившись, он с лёгким поклоном принял икону, наскоро поцеловал её и передал стоявшему рядом Головину. Последовавшее затем историческое разглагольствование на тему раскольнических своевольств после этого выглядело скорее фарсом, чем предполагавшимся серьёзным устрашением непокор-

ных, поскольку обе стороны прекрасно понимали, что двигаются по пути согласия.

Помня о намерении пострадать выгорецких отшельников, царь всё-таки нашёл, с чего начать пощёлки к их высокородным делегатам:

— Что же вы, князюшки из славного рода Мышецких, попрятались от меня в глухой тайге, вместо того чтобы своему государю и Отечеству верно служить в тяжкую годину военных испытаний? Другие-то ваши сродники не погнушались к нашему ратному делу приспеть. А вам, стало быть, сие не по чести? Ладно бы старцев беспомощных я нынче перед собой узрел, а не пышущих здоровьем мужчин в расцвете лет. Уверен, что в преданиях народных о нашей сегодняшней встрече именно так вспоминать будут: раз царь со старшиной Даниловской обители говорил, значит, с седобородыми да премудрыми стариками...

— Прости нас, милостивый государь, за то, что судьба обедневших князей, с детства познавших недостойные их рода тяготы и лишения, сложилась именно такой, как есть. Видно, так Богу было угодно. Ему мы тут верою и правдою служим по мере наших малых сил и по своему скудному разумению, — приложив правую руку к сердцу, с достоинством вновь поклонился самодержцу Андрей Денисов.

— А что же мне служить вовсе не желаете? Не признаёте власть земного царя? — постарался грознее сдвинуть брови Пётр.

— И в мыслях у нас этакого сумасбродства не бывало, милостивый государь. Евангельские заповеди, коими мы руководствуемся в ежедневном бытовании своём, учат нас иной, никем не подвергаемой сомнению непререкаемой мудрости: кесарю — кесарево, а Божие — Богу, — Андрей вовремя выложил заранее заготовленный надёжный аргумент в разгоравшемся споре.

— Верно ли так? Ну-ка спросим о том моих знающих советников. Много ли за сими долгопылыми таёжниками провинок? — царь, обернувшись к свитским, подмигнул им с намёком о давешнем уговоре.

В ответ с разных сторон посыпались обвинения:

— Всем ведомо, что они от зловредной аввакумовой ереси не отстали. По-прежнему по старо-

му обряду молятся, двумя перстами от тебя, государь, оберегаются...

— И действующих духовных властей не признают, авторитет священнослужителей в грощ не ставят! Живут сами по себе, без попов, без наставлений православных пастырей...

— Страшно сказать, они ведь за здравие твоего царского величества напрочь молиться отказываются...

— А всякого, кто табак курит и вино пьёт, вовсе к роду антихристову причисляют... И тебя самого, государь, всеу за антихриста почитают...

— Гляди-ка, много грехов набирается у вашей братии. Ай, проверим, князь Андрей, всё ли по правде сказано. Садись с нами за стол да выпей чарку анисовки за моё здоровье, — Пётр говорил уже ничуть не сердито, а скорее с укоризной, но вполне удовлетворённый получившимся на славу розыгрышем.

Пришедшие с царём офицеры и бояре восприняли эти слова как сигнал к началу трапезы. Они тут же шумно бросились рассаживаться за уставленный походными яствами стол и сразу стали набирать на оловянные тарелки закуски, наливать напитки в металлические стаканчики. Пётр устроился у торца на плетёный ивовый стул возле выложенных перед ним на медном подносе даниловских подарков. Андрея Денисова усадил ближе к себе слева, следом за ним дозволили присоседиться Симеону и Илюхе.

— Пей, Андрей Денисов, покажи, как ты на деле ценишь царскую милость, — когда государь самолично угощал подданных водкой, от таких подношений не позволялось отказываться никому, а Пётр как раз с тем умыслом налил выгорецкому большаку полную чарку анисовки из своего жестяного штофа.

Смущённый демонстративным испытанием, Денисов медленно встал и, прежде чем принять стопку, двуперстно перекрестился, снимая с себя невольный грех. Выпил поданное ему царём зелье спокойно, до последней капельки, после чего насухо обтёр губы своей малиновой скуфейкой и только тогда ответил:

— Благодарствую за милость. Сам знаешь, милостивый государь Пётр Алексеевич, в дороге и в гостях воля не своя. Куда грешнее было б тебя отказом обидеть.

— Молодец, нашёлся, как слабину человечью

объяснить, — весело скалился самодержец. — Прямо уважил ты меня по сказанному — отдал кесарю кесарево. Уж табак курить предлагать тебе не буду. Довольно ты брехунов моих посрамил. Да, кстати, ведь Христос в Евангелии про кесаревы долги аккурат по поводу налогов говорил, а сполна ли Даниловская община в государеву казну подати платит?

— Тут не придерёшься, Пётр Алексеевич, похулить их не за что... Сам уточнял у приказных людей — недоимок за даниловцами никогда не бывало, — подоспел к продолжению принимавшего деловой характер разговора ненадолго отлучавшийся из избы Меншиков, уверенно разглаживая теперь опустевший карман мундира.

— Такой поворот мне по душе. За справных подданных и государю не грех выпить, — царь опрокинул в рот очередную порцию водки, быстро зажевал выпитое отломленным куском расстегая и, запросто вытерев рот обшлагом капитанского кафтана, приступил к распросам с пристрастием: — А правда ли, Денисов, что живёт в Данилове не меньше тысячи душ и никто у вас без дела не сидит, отчего хозяйство ваше растёт и крепнет?

— С соседними скитами у нас теперь даже поболее людишек будет в работном возрасте. И каждому из них в обширном нашем хозяйстве впрямь своё послушание назначено, — согласно кивнул Андрей Дионисьевич.

— У вас же вроде вольные люди живут, но ты почему-то говоришь о них как о подневольных послушниках...

— Все они к нам в обитель от неволи мирской сбежали — то правда. Однако же живём мы по монастырскому уставу. Исполнение установленных в нём строгих правил каждый насельник по воле своей принимает. Без строгого порядка несподручно нам ни Богу службу нести, ни хозяйство земное вести.

— Значит, вы у себя тоже своего рода армейский уклад завели? — предположил царь.

— Не армейский, но монашеский, милостивый государь Пётр Алексеевич, — поправил Денисов. — Как свободные рабы Божии мы подчиняем себя воле нашего Небесного Отца.

— Меня нынче больше земные дела заботят, — деловито переменял тему царь. — Слышал, что у вас не только крестьяне да мастеровитые плот-

ники есть, но также умелые рудознаты, кузнецы, ювелиры... По подаркам вашим вижу, что медь сами куёте да чеканите, с серебром искусно работаете... Где металл достаёте? Не покупаете же его для своих досужих поделок...

— Ведомы нам местечки, где найдутся и серебро, и медь, и железо доброе. И мастера у нас действительно есть на всякую работу... — уважил ожидания царя большак.

— Так пусть же они теперь и для государева дела послужат. Разумеется, в зачёт ваших податей в казну, — царь решительно перешёл к деловому разговору.

— Милостивый государь Пётр Алексеевич, работы мы никакой не боимся. И привыкли всё делать справно, как ты уж мог оценить. Чай, видел наших мастеров на строительстве сей таёжной дороги, моста через Выг и нового почтового яма... Однако ж братию Божоявленской обители больше честной оплаты за труд тревожит вопрос о хранении древлей нашей веры от сторонних посягательств, — в свой черёд Денисов поднял волновавшую его тему.

— Ты что, не услышал меня, Денисов? — вопросительно поднял бровь царь и твёрдо добавил: — Повторяю: меня нынче споры о церковных догматах интересуют меньше, чем заботы о насущных нуждах державы. Я гонений на ваше староверие чинить не собираюсь — хоть одним пальцем креститесь, да дело делайте. Но предупреждаю, что церковников своих тоже вряд ли смирить смогу от нападков на раскол. Посему обороняйтесь от них сами убедительным словом. И подушный оклад в двойном размере платите. Такова цена вашей свободы. И казне выгода, и вам спокойнее...

— Выходит, правду нам Илюшка Белозерский сказывал о том, что ещё нонешней весной в Вологде ты, милостивый государь Пётр Алексеевич, заявил о послаблениях нашим единоверцам, — большак кивнул головой в сторону молодого вологжанина.

— При каких же обстоятельствах сей выюнош меня в Вологде видел? — перевёл Пётр загоревшийся любопытством взгляд на Илюху.

— На майских игрищах вашего величества с нашими канатчиками в Козленской слободе, — выпалил обескураженный высочайшим вниманием Илья.

— И что же такое важное ты тогда от меня услышал? — припомнил царь встречу с народом после знатного обеда у вологодского архипастыря.

Илюха чуток заволновался:

— Вы, ваше величество, сказали людям, мол, ежели не желаете, так о царской особе можете не молиться, но хоть о рабе Божиим Петре слово перед Господом замолвите...

— Вот оно как — угадал, что запомнить! — добродушно рассмеялся Пётр. — Да и выводы сам сделал и другим передал! Разумно. Хвалю за сметку. Купеческий сын, говоришь? — царь испытующе прищурил взгляд. — А на воинскую службу нет желания пойти? Уверен, с такой светлой головой быстро офицерскую карьеру сделаешь.

Илюха был польщён царским вниманием, но отвечал:

— По воинской стезе у нас вслед за прадедами мой старший брат Фрол пошёл. Он под началом капитана Ладогина служит. А мне отец дело торговое обещается передать...

— Добро. Вопрос отменяю. Коммерция тоже немалую пользу державе приносит... Но то, что вологжанин сейчас сказал, готов подтвердить снова: о царе Петре, пожалуй, хоть не молитесь, а раба Божия Петра в святых молитвах иногда поминайте. Тут и для вас греха нет, — с нажимом молвил самодержец, повернувшись к опешившим братьям Денисовым. — Да будет меня так круглыми глазами дырывать! Успеете ещё потом подивиться тому, какую я церковную реформу проведу. Дайте срок. И не ждите особо пополнения своей обители новыми людишками. Приём желающих уйти из мира в монахи я тоже ограничу. Мне солдат и работников не хватает, а дел предстоит много. Ну как, большаки, будем считать, что условия приняты? Тогда договорились! Начинайте приискивать поболее железной руды и впрягайте своих мастеров в работы на новом заводике, который скоро неподалёку появится. О найденных рудных местах или о том, что вам потребно для дела, пишите прямо в Москву дьяку Винуису. О цене на железо договоримся. А пока пришлите в Повенец умельцев-плотников, чтоб лодки хорошие шить. Лишними не будут — мне там флотилия для перевозки войска большая понадобится.

— Согласны, с превеликой радостью, — встав из-за стола и прощаясь с царём, поклонились Петру выгорецкие делегаты.

Трещина в Поморском согласии

В середине сентября в Даниловской обители вновь обозначились признаки серьёзного раздора между насельниками, по-разному понимавшими основы Поморского согласия и суть отношений с антихристовым миром. Угроза разорения монастыря царёвыми людьми тогда уж вовсе миновала — войско и двор Петра Первого прошли по Выговскому сузёмку стороной и в конце августа отплыли из Повенца на кораблях в сторону Свири. Солдатские караулы в округе исчезли. Лишь по Осударевой дороге всё продолжали тащить военные грузы с севера. Сбросив напряжение от тревожных ожиданий, даниловцы успокоились, безбоязненно отнеслись к наложенным на них трудовым повинностям и даже без видимых возражений приняли поминание в молитвах раба Божия Петра — будто некоего имярека, а не государя-самодержца.

Однако далеко не всё складывалось столь благобно и мирно. Недовольство допущенными уступками царской власти втайне зрело в умах решительных противников любых контактов с антихристовым миром. Это были последователи непримиримого старца-старовера Феодосия, устроившего крупное общежительство своих сторонников Ветка, что в приграничном к России Могилёвском воеводстве Польши. Почтенный Феодосий, постриженный в священноиночество благочестивым патриархом Иосифом и будто бы навещавший в темнице епископа Павла Коломенского, у иных стариков пользовался непререкаемым авторитетом. Скитаясь от беспрестанных гонений, он побывал и на Выге, поэтому знали его здесь не понаслышке.

К федосеевцам успел примкнуть бывший стрелец Фотий Васильев, бежавший от строгих караулов с Осударевой дороги и уже постриженный в иноки под именем Филиппа. Он тоже до конца жизни сохранил в сердце столь лютую ненависть к царям-антихристам, спустя сорок лет всё-таки сжёгся с немногочисленными упрямыми-единоверцами в дальнем скиту близ

водлозерской Умбы на гиблых болотах, прозванных с тех пор «филипповскими мхами». А в то время будущий расколоучитель только начал снискивать славу страстотерпца, в том числе расхождением с выговскими большаками.

Повод к обострению конфликта федосеевцы нашли довольно мелкий, но раздули до серьёзного противостояния. Случилось так, что одна из стариц, ходившая с другими сёстрами собирать волнушки, улядела, как паренёк из обители миловался в лесу с любимой девушкой. Нет, до прелюбодеяния, конечно, дело не дошло — ласки влюблённых ограничились поцелуями да объятиями от кипения молодой крови и взаимной тяги друг к другу. Но для даниловцев и то уж был великий грех. Не зря же прибывшимся к монастырю семействам разрешалось жить лишь на выселках, а саму обитель именно во избежание плотских искушений разделили сплошной стеной между братской и сестринской половинами.

Шум в тот раз поднялся громкий. Провинившегося парня тут же повели на конный двор и посекали вожжами-шелепами. Девушку большаки приговорили к трёхдневному сидению с покаянными молитвами на коленях в смирительной келье на хлебе и воде.

Отправленный на женскую половину сообщить этот приговор Симеон Денисов захватил с собой Илью Белозерского — ради показательного урока мирянину, чтобы он потом поведал родным и близким об установленных в Данилове суровых порядках. К сёстрам прошли через устроенную посреди промежуточной стены небольшую кельицу, где всегда дежурила благочестивая старица-смотрительница, разрешавшая разнополым родственникам общаться меж собой в окошко лишь по благословению их духовных отцов. На той стороне, кроме жилых, преимущественно двухэтажных келий, прозывавшихся у поморов двужирными, тоже стояли часовня, столовая, больница, школа да прочие подсобные помещения, где были востребованы исключительно женские хлопоты: коровий двор, челядная, портомойня, хлебопекарня, маслобойня и молочная, поварни для приготовления пищи и кваса...

Симеон Дионисиевич собрал сестёр в часовне и на примере случившегося постыдного конфуза долго их увещевал хранить чистоту души и не-

порочность тела, от потакания своим слабостям и страстям предаться более ревностному служению Богу. Объявив, наконец, приговор слушнице и сообщив о жестоком наказании её ухажёра, Симеон высказал напоследок сформулированное большаками правило:

— Чтоб на брание ягод или волнух, или иных каких овощей мужи с жёнами или отроки с отроковицами никогда не ходили. Отныне сему местехождению перестать повелеваем; пусть никогда дева или жена не шествует одна далеко нигде или близ, или между келиями, или по келиям: каждая дева и жена пусть сидит и трудится в безмолвии в дому своём, заботясь о спасении души своей.

Илья, слушая Симеона, стоял тишком в сторонке и удивлялся подобным строгим ограничениям, не принятым в обычной мирской жизни, где всё же не существовало категорических запретов на создание семьи, на посещение парнями и девицами общих бесёд, на совместные их невинные игры до определённого возраста... Ненароком взгляд молодого вологжанина, до того бесцельно блуждавший поверх повязанных глухими платками преклонённых женских голов, остановился на прелестном девчоночьем личике, тоже выражавшем несказанное удивление обычаям старообрядческой общины. Угадал он в распахнутых под длинными ресницами ясных глазах девушки, в которых, казалось, утонуло безоблачное небо, жажду любви и нежной ласки, мечты о семейном уюте и счастливом материнстве. От уловленного сопереживания его собственным мыслям и чувствам Илюхино сердце непривычно ёкнуло, сначала в самый низ грудины, с размахом ухнуло сразу по всем струнам души, а после стало с каким-то непонятым разбором выводить на них беспокойные, прежде неизвестные внутренние мелодии.

Когда уж Симеон закончил назидательную проповедь и, провожая праведным взглядом уходивших из часовни насельниц, подозвал к себе родную сестру Соломонию, Илья вдруг оказался рядом и срывающимся до хрипа шепотком попросил её подсказать, кто будет та девица, отличающаяся от остальных ничуть не смиренной открытостью.

— Эка, глаз у тебя остёр, брат Илия. Сия от-

роковица Дария из водлозерской деревеньки Коскосалмы до снега прислана к нам её дедом Егором Фомичом в учение. Но до того уж измучила она наших сестёр-наставниц непоседливостью и непослушанием, что мы подумываем отправить её домой раньше оговорённого срока, дабы её беспокойный характер других белиц мирским духом не заразил да не сбил их с пути истинного, — поначалу без всякого подозрения ответила Соломония уже знакомому ей Илье, а потом взглянула пристальнее в его вспыхнувшие любопытством глаза и с горечью добавила, обращаясь скорее к Симеону: — Похоже, для некоторых вовсе не впрок пошёл нынешний братьев урок. Вот тебе наглядный пример проявления человеческой слабости, ежли плотские чувствования не удаётся обуздать самоограничением крепкой веры и воли. Вместо восприятия поучения о соблюдении нравственной чистоты парень, по всему видно, сам глаз на девицу положил. Даром что оба они миряне. Лишь бы в самой обители стыда какого больше не сотворилось...

Симеон Дионисьевич с виду тоже смятенно покачал головой, хотя, как и другие большаки, относился к молодому вологодскому купцу уважительно и без лишнего пережима, обязательного в отношении отрешившейся от мира даниловской братии. Чтобы поскорее уйти от продолжения щекотливого разговора, он перескочил на другую тему, действительно серьёзно волновавшую его в ту минуту:

— Аще о том, сестра Соломония, вот что тебе большаки передать велели. Стало нам ведомо, что иные наши братья видят в случившемся конфузе верный признак послабления самих устоев христианской веры в Данилове. Посему у них зреет призыв к решительному отказу от любых уступок царю, вплоть до соборного от решения Данилы Викулича от управления обителью. К каким горьким плодам да неотвратимым бедствиям сие может привести, ты и сама хорошо понимаешь. Полного разора общины и новых нещадных гарей тогда никак не избежать. Будь готова к подобному повороту и верных сестёр настрой. Коли ударят набат на собор, надобно нам стоять заедино и вместо Данилы кликнуть в киновиархи брата нашего Андрея. Нет сомнений, что большинство на-

сельников ему теперь доверится. Ибо ему одному по силам обуздать строптивцев и сохранить былой порядок в монастырском устройении...

Судбоносный выбор

Внабат ударили ближе к следующему полудню — то был знак для окрестных скитов и хуторов прислать своих полномочных представителей в Данилов для принятия крайне важных для всей Выгореции соборных решений. В отдалённые уголки сузёмка тоже послали скорых гонцов, передав с ними выдвинутые федосеевцами требования об упрочении устоев древлеправославной веры и нравственной чистоты, об отказе от любых договорённостей с царём-антихристом и смещении допустившего непростительные слабости Данилы Викулина с поста киновиарха обители.

Собор состоялся через сутки, 17 сентября, между обеденной и вечерней трапезами, чтобы постараться не сбить обусловленный монастырским уставом цикл церковных служб. С учётом важности поставленных вопросов для их совместного решения на площадь перед часовней, на братской стороне, в виде исключения призвали и вставших особицей сестёр.

Площадь была переполнена народом. На ней плечом к плечу собралось несколько сотен человек. Люди плотно заполнили проулки между ближними келиями. Приглушённый ропот предварительного обсуждения повестки дня стих сразу после того, как Данила Викулич, поднявшись на поставленный возле часовни небольшой помост, возвестил всем об открытии собора, созданного согласно устоявшимся общинным правилам. Затем киновиарх передал слово представителям внутренней оппозиции. Именно так — свободно и без опаски — по давним новгородским обычаям могли высказать своё мнение о любых решениях посадников и даже князей не только группы не согласных с ними граждан вольной купеческой республики, но и всякий рядовой житель из самых отдалённых поселений её областей-пятин.

Федосеевцы вытолкнули вперёд новопостриженного инока Филиппа, успевшего выказать задатки лидера, но ещё не привыкшего к

сложившейся в Данилове системе иерархии, основанной на уважении и доверии подавляющего большинства насельников к создававшим обитель большакам. Убеждённый в правоте бывших расколоучителей, беспощадно казнённых никонианами или по собственному почину предавшимися огненной смерти, Филипп вновь, как недавно в августе, попытался пламенными призывами поднять волну возмущения ненавистной антихристовой властью и пугануть знаменами о неминуемом скором светопреставлении:

— Братия! Говорил я вам ужю, когда Пётр-антихрист подходил к выговским уделам: побойтесь Бога! Остерегитесь искушений, не поддавайтесь соблазну пойти на сговор с бесовскою хитростию! Совсем не тому учили нас благочестивые святые отцы, но неотступной крепости веры и нерушимой твёрдости духа. Токмо так мочно сберечь в непорочности чистоту наших душ, когда предстанут они вскоре пред очи Господа Вседержителя. Токмо великий страх Божий, токмо ожидание грядущего конца света, токмо ревностная подготовка к Страшному суду оберегали от слабостей и пороков всех великих православных праведников и их верных последователей... Иное миропонимание беспременно ведёт к саморазрушению души: сначала к её ленности, потом к малым послаблениям, а после вовсе к полному разгулу греха и разврата... Значится, к преданию человеков во власть сатаны. И мы как раз встаём на сей гибельный путь — поминаем в молитвах антихриста Петра, стыдливо не величая его царём. Сами вызвались помочь ему в постройке бесовской дороги, обещаемся верно служить ему и впредь на новом заводе в Повенце, искать, добывать и плавить железную руду ради утверждения воинской славы и земной власти князя тьмы... Разве ж вы не зрите, что допущение уступок антихристову миру уже породило злую ржу слабостей внутри самой обители? Недавнее предание наших отроков плотским утехам есть первый знак будущего духовного падения. Неужто не в силах мы решительно отринуть от себя всяческие мирские соблазны и отряхнуть с ног своих прах предательства святых Божеских заповедей? Доколе суждено нам потакать слабеющей власти большака Данилы Викулина и его присных, растерявшихся перед при-

лижавшимся самодержцем и попустивших отступление от устоев дедовского благочестия? Не пора ли нам найти взамен нынешнему киновиарху нового, более стойкого и ревностного в честном служении православной вере?

— Пора-пора! — первыми подали голос заходя готовые к возмущению федосеевцы, пытаюсь выцепить из речи Филиппа самые убедительные доводы.

— Надобно прочнее крепить устои христианской веры!..

— Выжжем калёным железом попущенные слабости!..

— Грешникам в святой обители не место — гнать их всех отсюда взащей поганой метлой!..

— Никак нельзя молиться за царя-антихриста!..

— Очистим души свои к Страшному суду! Не будем ждать конца света — сами скорее примем огненное чистилище вслед за отцами-праведниками!..

Однако же возгласов в поддержку бунтаря Филиппа оказалось гораздо меньше, чем протестных выкриков тех, кто никак не соглашался с зачинщиками смуты. Гул их осуждения всё больше креп, возрастал, становился громче и увереннее:

— Уж не ты ли сам, Филипп, собираешься занять место Данилы? Руки у тебя коротки, да, видать, и ум недолог!

— Без году неделя в обители, а все труды и хлопоты Викулича в пользу нашей общины разом удумал похерить!

— За царей молиться, может, и негоже! Но зачем же огульно на большака лаять?!

— Ослушники заповедей уже строго наказаны! Ежли всякого гнать из обители, кого же от грехов и пороков спасти будем?

— Вспомните, люди, мы ить сами дали большакам благословение на переговоры с царём и остались сполна довольны их исходом! А теперь за то же их бить призываем!

— Слабость душу каждого раба Божиего ржой разьесть может, да общинной силой мы всякую слабину переждем!

— Нельзя нам раздоры поощрять. Чем больше натягивать, тем скорее лопнет. Крепить устои веры способнее сообщать...

— Зрим мы конец бабьего лета, а конца света

всё нету!.. На сей земле нам его предстоит ждать, а значит, здесь жить в трудах праведных и молитвах...

— Точно, выбор огненной смертушки мы и в июне, и в августе вместе отринуть решили, ежли власть отступится от былых гонений на веру дедовскую.

— Доит Филипп шибко, да молоко жидко, нам бы ближе к делу, но не про козу белу!

— Уж коли всерьёз говорить о замене Викулича, так лучше Андрея Дионисьевича нам киновиарха не сыскать!

— Данила Викулич, сам-то ты что на сей счёт мыслишь?

Викулин вновь степенно взошёл на помост и, оттеснив в сторону растерявшегося Филиппа, низко поклонился толпе. Потом, набрав в лёгкие воздуха, он громко произнёс:

— Братья и сёстры! За собой никаких объявленных мне провинностей я не чую. Зачинали мы сию обитель по заветам и благословиению соловецких святых отцов и благочестивых старцев-пустынножителей. Паки и паки в монастырском строении всячески придерживались древних христианских уставов и праотеческих православных устоев, всех правил и заповедей с честностию и крепостию хранимого древлерусского благочестия. Даже за малое отступление от них меня попрекнуть не в чем. Хотя, может, не удалось мне избежать каких-то иных промашек. Не судите за то строго и простите ради бога! Но ежели пришел срок меня заменить, так я перечить не стану — спокойно уступлю место возмужавшему Андрею Дионисьевичу. Именно благодаря его светлой головушке и завидной прозорливости избежали мы сей год суровых напастей в сретении с грозным царём-самодержавцем. Вовсе не мы тут слабину попустили, аще нащупали слабое место в антихристовой власти, оборонив от неё крепким щитом пращурские корни нашей веры. О знатных способностях брата Андрея к хозяйствованию вам и без моих напоминаний ведомо. И вот что добавлю вам об иных его славных достоинствах. Когда нас обоих наставлял выговский старец Корнилий, то мне он обозначил токмо миссию собирателя братства. Однако ж про Андрея Дионисьевича предрёк так: будет он добрым наставником и учителем древнему благочестию, его великим проповедником. Видать, и впрямь вре-

мя сему пришло. Воздадим же должное его премудростям и возведём достойного того преемника моего в чин киновиарха! Ну а я, ежели позволите, при нём верным помощником останусь...

Из толпы донеслось:

— Любо, любо!!! Благодарствуем Даниле Викуличу за труды его честные! Выбираем в киновиархи Андрея Дионисьевича, спасителя нашей обители! Ждём напутствия мудрого от нового большака нашего — скажи слово, Андрей!

Денисов встал рядом с Викулиным, сначала низко поклонился ему, потом народу. Начал он свою речь тоже с благодарностей:

— Спаси тя Господи, Данила Викулич, за усилия твои безмерные по собиранию нашего братства, за твёрдость и мудрость в устройении обители, за отеческое духовное окормление общины в полном согласии с устоями древлеправославного благочестия! И вам низко кланяюсь, братья и сёстры, с благодарением за то большое доверие, кое вы мне сей день оказываете, помня мои малые заслуги! Да, я тоже приложил руку к созиданию сего монастыря, ставшего нынче настоящей крепостью хранимой нами в былой чистоте дедовской веры. Могучим утёсом противостоит он нахлынувшему из порочной Московии волнам никонианской ереси. Мы впрямь остаёмся верными наследниками заветов благочестивых соловецких святых и дорогих сердцам заповедей наших пустынножителей. Разве мочно попрекнуть нас в надуманных слабостях и отступлениях от сих устоев?.. Мой предок, князь Борис Александрович Мышецкий, не только врагам-свеям не предался во времена Смуты, но и на поклон к предавшим Новгород московским государям не хаживал выпрашивать себе новые уделы взамен утраченных в новгородских землях. Таким же в нашем семействе осталось отношение к царской власти, коя ничуть не считается с чаяниями народа. Прежде жестокая Москва ещё до нашествия сеев и литвинов задушила вольности Новгородских пятин, а следом порушила само старорусское Православие. Заверяю, братья, что от никонианских новин уж потому попадает бесовщиной, что они стали подспорьем для достижения корыстных целей московских самодержцев. Ради утверждения утешающего

их непомерную гордыню первенства в православном мире ценой отказа от краеугольных церковных догматов. Сии начала страшат нас неминуемым грядущим концом, посему мы им никогда не последуем. Но вот что важно уяснить: раньше от жестоких гонений властей ревнители древлего благочестия собирались в Выговский сузёмок, дабы подготовить свои души к скорому уходу из ненавистного антихристового мира в Царствие Небесное. А с течением времени понимание будущего изменилось. Вот-вот ожидавшийся конец света непредсказуемо отодвинулся. И нам самим стало гораздо легче жить на сих скупых землях в совместном труде. Отказавшись от былых жертвенных гарей, мы и впредь должны помнить, что огонь маслом не тушат. Всегда надобно трезво оценивать меняющуюся обстановку, учитывать сложившиеся обстоятельства. У государевой власти вполне хватит сил, дабы вновь расправиться с любыми противниками режима внутри страны. Однако в условиях идущей войны грех не воспользоваться интересом царя к нашим способностям взамен на послабление гонений. Ныне мы получили передышку и возможность укрепить свою христианскую общину вопреки злым ненавистникам. Так приложим же старания, дабы не позволить им её порушить. По моему разумению, верующему человеку долженствует стойко встречать житейские невгоды. Пред ними нам надобно стоять прямо, яко столпам, и гореть верою яро, яко свечи... Неугасимое пламя труждающихся чистых душ Господь узрит не меньше подвига единовременного телесного самосожжения. В дольнем мире нам по силам своими горними помыслами устроить верную лестницу в Царствие Небесное.

— Разумение твоё мы зело ценим. Посему община тебе и бразды передаёт — правь ими с присущими тебе толком и мудростию, опираясь на совет с другими выборными людьми и со всем собором нашей обители! — трижды расцеловал преемника Данила Викулин, после чего, опять обернувшись к толпе, выкрикнул: — Здрав буди, киновиарх наш Андрей Дионисьевич, многие лета!

Обычно сдержанные суровые старообрядцы поддержали призыв ликующими здравицами в

адрес нового большака, а затем под звонкие удары в медные доски потекли двумя потоками в мужскую и женскую часовни на вечернюю церковную службу, обещавшую стать особо торжественной — во славу преодоления смутных разногласий и соборно утверждённого выбора будущего пути общинной жизни.

Над тайгой полыхало зарево осеннего заката. Там, где садилось солнце, в просветах между ярусами потемневших туч, густо аела небесная прослойка. А чуть левее в подсветке открытого пространства вдруг обозначились выгнувшиеся ажурным веером дуги лёгких облаков, которые могучими порывами решительно повернул назад набиравший мощь сиверко, пересиливая выдыхавшийся встречный шелонник, ещё накануне напивавший со стороны ненавистной Московии.

Оценив примеченную на небе картину как доброе предзнаменование, взволнованный пережитым, Андрей Денисов, пока стоял молебен, никак не мог отогнать от себя роившиеся в голове мысли. Всё ли правильно он сказал людям, не упустил ли чего важного? Конечно, надо было ещё напомнить всем о многих оставленных старцами заветах, о тех же сохранённых на дощечках-табличках заповедях благочестия, о поучительных уроках из собственной жизни, о том, как и почему притянуло общинное житие других братьев-насельников...

Тут вдруг вспомнилось однажды шутливо переданное ему старцем Корнилием сказание о венике. Дескать, когда обитали пустынножители в окрестностях Выга поодиночке, по своему разумению готовя себя к скорому концу света самоистязаниями сурового аскетизма, на самого Корнилия нашла такая блажь — подставить оголённое тело под злые укусы комаров да оводов. Ох, натерпелся он тогда адских мук от облепившего кожу кровососного гнуса! Нестерпимый зуд невольно вызвал у него воспоминание о доброй деревенской баньке, где ему грешным делом захотелось попариться в заботе о телесной чистоте, которая, верно, никак не помешает хранению чистоты души до дня неминуемого светопреставления. И тут углядел Корнилий в выгских бурунах обычный берёзовый веник, позавидовал имевшему свою баню верхнему жителю и под-

дался-таки малому искушению — пошёл наверх в гости, дабы с удовольствием попариться и пообщаться с тем счастливецом.

А потом, мол, по следу того веника и другие искушённые им насельники сузёмка у Данилы Викулича собрались и положили начало сему общежителюству. После недолгого спора все они согласились с тем, что очистительная вода-грешница подобна самим человекам как в повседневных трудах земного жития, так и в неостановимом стремлении к небесным высям, где скапливается в облаках после получения прощения от Господа за дела свои... Посему совместно так решили: душа обязана трудиться, да и человеку невместно без работы сиднем сидеть, но во имя Бога и славы Его надобно сотворённый Им мир терпеливо созидать далее.

Ради чего уготовано человеку существование на сей грешной земле? Как им жить потребно? Как будет праведно? Что им делать вредно, а что правильно? К чему предназначено стремиться? Чего желательно добиться? И какие пути вернее ведут через тернии да щели к той высокой цели? Камо грядеши, человек? Легче вовсе не задумываться о том. Как вольготно метаться под порывами ветра оторвавшимся от корней перекатиполом! Никому ничего не должен, куда хошь — туда пошёл, где остался — там отечество нашёл, а совсем пропадёшь — так никто и не вспомнит... Другой путь — ухватиться за родимый корень цепко да взрасти от него крепко, встать в ряд таких же зрелых деревьев, всегда нужных и послушных воле умелого лесоруба. Деловая древесина в хорошей цене. Годится в строительстве дороги или моста, крепости или дома, лодок и кораблей, целых флотилий и городов... Вроде и ощутимая польза, и добрая память останутся. Но того сокровенного духовного начала всё же не хватает, чуток не достает. Маловато всего этого наделённому от Бога даром души беспокойному человеку. Ищет каждый свою дорогу в сомнениях и ошибках. Иной совсем заблудится и вдруг забудется, запомнит о данном ему Творцом дыхании ради плотских своих удовольствий погрязнет в грехах и пороках — и был таков во тьме веков. Потом поминай, как его звали, в девяти кругах ада. Другой хоть сдуру согрешит — да покается, упадёт — да снова поднимется, замарается в грязи — да постарается очиститься, оступится — да найдёт силы испра-

виться... Чего он там за отпущенное ему время больше наделает — дурного или хорошего, — то одному Господу судить. Но вот как бы сподобиться так прожить, чтобы даже пятнышка к чистой твоей душе не пристало, чтобы никакие соблазны не смутили её искушениями, чтобы сам Вседержитель подивился стойкости твоей и признал за тобой права заслужившего их своей праведностью нового небожителя? Да возможно ли такое — на земле, но неземное? Всё ж скорее на неравных чашах весов будет сравниваться грехо-праведная диалектика становления человеческого духа. Тут и вспомнятся все подробности и частности, угождение кривде или верность честности, всякие промыслы, высказанные слова и потаённые помыслы... Кого зря обидел, кому руку помощи не подал, на кого сам недобрую память в сердце держишь — столько скверны наберётся! А ты будь готов к тому, себя лишней раз поругай да укори, у ближнего прощения попроси, даже если не виноватый, иным благим делом, как заплатой, закрой прореху попущенной слабости. Никуда не деться — таково устройство мира. Ведь любой кесарь, если ему понадобится что-то твоё, сразу у тебя это отнимет, а захочет — наоборот, от себя немедля вознаградит за оценённые им услуги-заслуги. Воздаяния от Господа — как условный штраф и отложенный приз. Не сразу поймёшь, где верх, где низ. Подведение итогов обозначится только на финише жизни-игры. За конечную сумму набранных баллов ты или наказан будешь, или вознаграждён прощением. Смекай, пока не поздно, как жить дальше — легко или серьёзно, но без фальши...

Штурм Нотебурга

Уставшее октябрьское солнце едва пробивалось сквозь облачную хмарь и уже клонилось к закату, с трудом высвечивая алые проблески редких пробоев в темнеющем небе. Но не его тающие сумеречные отсветы оттеняли течение разыгравшейся под стенами Нотебурга жестокой битвы. Скорее, это зарево бушевавших в городе пожаров создавало контрастный зловещий фон, на котором развернулось беспощадное военное действие.

Многодневная размеренная бомбардировка не сдавшейся на аккорд шведской крепости из

расположившихся по обоим берегам Невы крупнокалиберных русских орудий привела к весьма разрушительным результатам. Многие дома горожан лежали в руинах или вовсю горели. Тушить пожары не успевали. От невыносимого огненного жара плавились даже свинцовые крыши на высоких башнях. Случившийся в артиллерийских погребах взрыв обрушил часть крепостной стены на юго-западной стороне, где образовался внушительный пролом... Как раз туда теперь по крутому подъёму пытались прорваться больше тысячи вызвавшихся участвовать в штурме смельчаков-охотников, доставленных к острову на заранее заготовленных ладьях.

Штурм начался ещё до зари и продолжался буквально весь день, но после десяти часов непрерывных атак, похоже, стал выдыхаться. Шведы защищались упорно. Плотной пушечной и ружейной пальбой они остановили первые приступы русских десантников, которым не хватало длинных лестниц, сами не раз устраивали яростные контратаки и, наконец, в беспрестанных рукопашных и штыковых схватках отеснили оставшихся без подкрепления штурмующих от пролома.

Чтобы в корне пресечь появившиеся в русских рядах признаки паники и возобновить натиск, не утратившие решимости офицеры приказали отталкивать от берега спасительные лодки, отрезая своим бойцам путь к отступлению. Один из них с окровавленной повязкой на голове и обнажённой шпагой в руках сам отгонял от воды поддавшихся слабости солдат и отпихивал ладьи в реку.

— Никак то Мишка Голицын буйствует! Боевой удалец, горячий... — одобрительно отозвался о действиях командира десантников возглавивший объединённые русские войска фельдмаршал Борис Петрович Шереметев, наблюдая за ходом баталии в подзорную трубу с центральной береговой батареи. Он всячески успокаивал нервничавшего царя заверениями о скорой победе над врагом по милости Божией.

Пётр был впрямь крайне неспокоен. В тревожном волнении он мерил длиннющими шагами площадку перед молчавшими пушками и мортирами, лихорадочно раздумывая над тем, каким ещё способом можно внести перелом в ход затянувшегося сражения, грозившего обер-

нуться постыдной конфузией. Орудия пускать в дело больше нельзя, чтобы случайно не накрыть ядрами своих. Серьёзную подмогу десанту выслать не на чем — практически все заготовленные для штурма ладьи отправлены к Нотебургу. А по всему чувствовалось, что для достижения решающего перевеса над утомившимся врагом не хватает самой малости, пусть небольшого, но свежего отряда поддержки...

Вот когда пробил звёздный час царёва любимца Александра Даниловича Меншикова — будущего «светлейшего Римского и Российского государства, герцога Земли Ижорской, наследного господина Ораниенбаума, верховного действительного тайного советника и над войсками командующего генерал-фельдмаршала и генерал-губернатора Санкт-Петербургского, Ингрии, Карелии и Эстляндии, кавалера орденов святого Андрея и Слона, Белого и Чёрного орлов, от флота Российского адмирала, и прочая, прочая!» Верный шаг ко всем этим титулам и регалиям бывший московский пирожник сделал именно в тот миг под Нотебургом.

Громкое ликование огласило вдруг берега Невы, где на батареях, в апрошах и редутах стояли в вынужденном бездействии многочисленные полки русской армии, отрезанные рукавами быстрой реки от того места, на котором решалась судьба всей Северной войны, судьба новой России. Услышав шум, Пётр жадно припал глазом к подзорной трубе и увидел, как снизу, навстречу течению, подталкиваемые дружными гребками вёсел, устремились в сторону крепости двенадцать больших челнов, сбережённых Меншиковым в засаде до крайнего срока. Но вот срок пришёл, в атаку ринулись новые отборные бойцы, не меньше своего командира охочие до царских почестей и воинской славы. Воодушевлённые их дерзким порывом, первые десантники тоже собрали оставшиеся силы и ударили с неутраченной мощью. Всё становилось на свои места. В близкой победе русских уже ни у кого не оставалось сомнений. Это поняли даже измотанные шведы, сразу остановившие успешно развивавшуюся вылазку и вновь отступившие за пролом, где вскоре замелькала розовыми сполохами шёлковая рубашка щёголя Алексашки — будто нарочитый вызов смерти.

— Ату их, ату! — увлечённо комментировал развитие событий заядлый собачник Шереметев. Совсем недавно он плаксиво уповал на дарование победы по Божьей милости, но тут оживился, сбросил полудрёму стороннего наблюдателя, почуял вкус грядущей виктории. — Гляди-ка, эким прытким петушком наш Сашка наскочил на шведского коменданта Ерика Шлиппенбаха! Чуть шпагой не заколол старика! Благо ординарцы успели под руки оттащить от него своего гордого генерала... Осталось чуть-чуть поднажать. Вперёд, орёлики! Берите город на шпагу! Ну, слава Богу! Кажись, дело сделано — наши солдатики перевалили через пролом. Теперь, Пётр Алексеевич, верно, жди белого флага!

Ещё густо жужжали в отравленном порохом воздухе свинцовые пчёлы пуль, ещё грозно рывкали шведские пушки, изрыгая на штурмующих смертоносную картечь и раскалённые ядра, ещё разили русских воинов вражеские клинки, штыки и алебарды... Но то была уже агония умиравших, не способных остановить ставшую совершенно неудержимой атаку. Прибывшие с подкреплением умелые гренадёры, держа в зубах горящие фитили, восполнили нехватку артиллерийской поддержки. На ходу доставая из подсумков гранаты и ловко скусывая предохранители с запалов, они быстро их поджигали и забрасывали бомбы во все щели, где могли притаиться защитники крепости. Оттого отпор оборонявшихся заметно слабел, и дорога к желанной победе расчищалась всё шире.

Ах, как обидно её совсем чуть-чуть не дожидаться, уткнувшись вдруг грудью в жало безжалостной смерти! Сначала тяжёлый свинцовый шарик поразил сердце капитана Александра Ладогина, старавшегося в погоне за славой не отставать от удачливого тёзки Меншикова, за которым он без раздумий повёл в этот последний бой охотников из своей роты. Потом невесть откуда прилетевший снаряд разорвался брызгами колючих искр возле бежавших следом Фрола Белозерского и Мишки Кириллова. Фролка, охнув от резкой боли, охватившей всё его тело, замертво рухнул по ту сторону пролома. Миха стгоряча пытался сделать к нему ещё шаг, чтобы удержать убитого брата за рукав, но раздробленная взрывом левая нога помешала ему твёрдо ступить на землю, подвернулась в колене, хрустнула кост-

ным переломом и разрывом жил, затмившими сознание яркой вспышкой небытия... Проваливаясь в его бездну, могучий вологжанин успел подумать: «Матушки вы мои, неужто и за мной смертушка косоглазая нагрянула?.. Ради чего ж я жил, во имя чего помираю, кто обо мне поплачет и помолится за спасение моей души перед Богом?.. Кто помянет меня добрым словом, кроме моей бедной маменьки?..»

Взоры берегов были по-прежнему прикованы к маленькому невскому островку, на котором творилась историческая марсова постановка. Царь Пётр, отстранившись от свиты и почти навалившись на бруствер, тоже зорко следил за происходившим под стенами крепости. Восторженные восклицания стоявших позади ближних офицеров и советников едва долетали до его уха, более чутко улавливавшего череду его собственных взбудораженных мыслей. Его былая растерянность вмиг улетучилась, сменилась возбуждением уверенности, землистое от усталости лицо порозовело в ожидании успешного завершения так долго и тщательно готовившейся им стратегической операции.

Вместе со всеми окружающими Пётр искренне восхищался героями дня. Мишке Голицыну за стойкость и доблесть впору полковника пожаловать. А чем вознаградить смельчака Данилыча, который уж явно тяготится своим общевоинским генерал-майорским званием? Чертяка Алексашка не подвёл-таки, исполнил данное намедни хвастливое обещание, казалось, подсказанное ему лишь забористым Ивашкой Хмельницким: столь отличиться в решающей баталии, чтобы на глазах у всех заслужить повышение в воинском чине. Вполне заслужил — быть ему, как обещано, генерал-губернатором будущей Ингерманландии. Всё! Хоть и зело твёрд был сей Орешек, да, слава Господу, счастливо разгрызен! Конец приходит шведскому владычеству на древних русских землях. А крепости этой, открывшей России ворота к европейскому Балтийскому морю, зваться отныне Ключ-городом — Шлиссельбургом...

Как же удачно осуществилась царёва задумка, в начале года представлявшаяся почти несбыточной мечтой! Кого благодарить за сей великий подвиг? Нейтрального в воинских потехах христианского Бога? Грозного римского Марса и со-

путствующую ему строптивую Фортуну, словно из показательного соперничества ополчившихся на викингских Одина и Валькирию? Или местных языческих чухонских духов? А скорее всё-таки верных сподвижников и вкупе с ними всех подданных российского государя, на разных этапах участвовавших в этом многотрудном блистательном деле!

Понятно, в первую голову надо отдать должное талантам русских военачальников, быстро усвоивших у учителей-шведов нелёгкую науку побеждать. Слаженно и честно действовали на своих участках добившиеся на полях сражений доблести и славы фельдмаршалы Борис Шереметев и Аникита Репнин, чётко выполнили данные им установки воеводы Пётр Апраксин и Семён Барятинский, оправдали возложенные на них надежды иноземные офицеры, подобно вице-адмиралу Корнелию Крюйсу и генерал-инженеру Ламберу де Герену, крепкой опорой царю оставались ближайшие советники канцлер Фёдор Головин и закадычный дружок Александр Меншиков... Но сколько ещё других героев — по долгу службы или по зову совести — выдвинуло на первые роли в истории только одно начинание Петра Великого в лето от Рождества Христова 1702-е...

Выдающиеся организаторские способности и несгибаемую волю проявил в строительстве беспримерной дороги через непроходимую прежде северную тайгу простой урядник Преображенского полка Михаил Щепотев. А его сотоварищ, полковой писарь Ипат Муханов устроил в Повенце добрые пристани и собрал там целую флотилию для переброски к Нотебургу почти десятитысячного десанта. Дальновидный и мудрый вожак выгских раскольников Андрей Денисов склонил единоверцев на ошутимое содействие государеву замыслу и впредь поможет в становлении новых железодельных заводов. Стрелецкий полковник Иван Тыртов пал смертью храбрых в дерзком ночном нападении на корабль шведского адмирала Нумерса — из шести шхун эскадры его бойцы две потопили, одну сожгли и две целёхонькими захватили в плен. Олонецкий священник Иван Окулов до того уж насолил шведам смелыми рейдами своего партизанского отряда по их тылам, что даже воевода Барятинский забоялся бурной актив-

ности его охотных людей и из опасений ответных нападений врага на олонечские уделы стал чинить препятствия своим же партизанам...

Вспомнив про Окулова, Пётр споткнулся о подробности недавней встречи с геройским попом. Тот приезжал под Нотебург во время осады крепости с челобитной на князя-воеводу, с которым у него начались серьёзные трения. Царь без колебаний встал на сторону героя-партизана и собственноручно составленным «отпускным указом» твёрдо отписал стольнику Бяратинскому «о дозволении выходцу свейскому священнику Иоанну Окулову со всеми при нём будущими охотными людьми чинить над шведами воинский промысел». Да ещё строже того прибавил: дать им вольность для их проведывания, а «взятчиков с них збирать ни самому и никому другому не сметь».

Защитивший карельских партизан от придинок начальства, царский указ вовсе развязал им руки в борьбе с ненавистными ручи, как шведов называли местные карелы. Всего через два с лишним месяца в первом номере петровской газеты «Ведомости» с особым пиететом будет сказано о том, как отряд Окулова «отворил врата в шведскую область», круша вражеские заставы, захватывая свейские мызы и богатые трофеи.

«Вот ведь экий боевой поп оказался, даже премудрому староверскому большаку Андрею Денисову не чета. Тот сам в драку не лезет, только на чистое служение Богу уповает. А этот и Царю Небесному, и земному своему государю одинаково верно служит... Поди разбери тонкости их духовных заморочек», — мельком подумал Пётр о расхождении во взглядах двух своих знакомцев, столь по-разному отстаивавших правоту собственного священнослужения. Но тут от вораха попутных мыслей самодержца отвлекли радостные крики свитских:

— Ура! Виктория! Шведы забили в барабаны о сдаче и вывесили белый флаг! Шлиппенбах сдаётся! Виват Россия!

Царь тоже сорвался с места, бросился к стоявшему поблизости барабанщику, вырвал у него палочки и сам громко стал выбивать по натянутой коже гулкий сигнал о прекращении битвы. Следом барабанный бой, извещавший о начале переговоров с поверженным противником, волной покатился по русским позици-

ям, приближая долгожданный миг внезапно наступившей тишины.

— Ваше величество, примите поздравления со славной Невской победой, столь счастливо продолжившей начинания благоверного князя Новгородского Александра по защите русских земель от шведских супостатов! — подобающим историческому моменту витиеватым слогом торжественно обратился к государю фельдмаршал Шереметев, а затем, зная о проявившейся склонности царя к простоте, задиристо добавил: — Пётр Алексеевич, только прикажи! Мы с нашей силищей поспеем до снега и ближе к побережью Балтики от врага очистить, и Ниеншанц с ходу взять, и к Выборгу подступиться...

— Куда ж нынче спешить, Борис Петрович? — с удовлетворённой улыбкой успокоил своего первого полководца Пётр, вместе с восторженностью почувствовавший вдруг груз навалившейся на плечи неимоверной усталости. — Мы и по весне там спокойно своё возьмём. На дворе уж 12-е октября. Скоро лёд на Балтике встанет — значит, до июня шведские корабли с подмогой туда всё одно раньше нас не поспеют. Пусть армия вдоволь отдохнёт до решительного наступления на тёплых зимних квартирах. В сей год главная цель летней кампании достигнута. Грешно будет вспугнуть удачу, не отметив её по всей чести благодарственными воздаяниями, полагающимися Бахусу, Марсу и их строптивой подружке Фортуне. Мне сейчас гораздо важнее, чтобы вечно недовольная Москва наконец-то угомонилась от страхов, восхитилась сей великой викторией и отпраздновала её щедрыми возлияниями во славу русского оружия...

Конец первой книги.

Вторая книга романа «Во имя твоё...» будет опубликована в журнале «Север» в 2017 году.

**Значения
устаревших и диалектных слов**

Агаряне — магометане (арабы, турки).
Амвон — возвышенная площадка в церкви перед царскими вратами в алтарь.
Аршин — русская мера длины, равная 0,71 м.
Багинет — штык, примыкавший к фузее.
Большак — глава старовойской общины или отдельного крестьянского хозяйства.
Епанча — широкая и длинная накидка, плащ.
Зернь — напайка в ювелирных изделиях в виде мелких шариков.
Канабры да орги — непроходимые лесные дебри, глухомань; канабра — вереск.
Кукель — плотный башлык с сеткой из конского волоса, прикрывающей лицо.
Кокора — корни поваленного ветром дерева.
Корба (финск.) — низина, поросшая густым ельником; дремучий лес, чаща.
Ловас (лабаз) — помост на ветках между деревьями, обычно сооружаемый для охоты.
Нудья (нодья) — устройство для зимнего костра из лежащих друг на друге деревьев.
Плутонг — подразделение в составе роты, идентичное современному взводу.
Повыгчик — должностное лицо, ведавшее делопроизводством в суде (в т.ч. по недоимкам).

Полесник — охотник, **полесовать** — охотиться.
Сажень — русская мера длины, равная 2,134 м.
Сказка — название документов делопроизводства, здесь — налоговых сведений.
Скань — ювелирная техника ажурного плетения узоров из тонкой проволоки.
Свеи — шведы.
Сиверко — несущий холод северный ветер, холодная ветреная погода.
Скуфья — остроконечная бархатная шапочка у духовных лиц, включая послушников.
Сойма — килевое двухмачтовое судно малой и средней грузоподъемности.
Сузёмки — глухой лес.
Сузёмок — лесная округа, признаваемая общей территория проживания группы людей.
Фузея — заменившее мушкет солдатское ружьё.
Фут — мера длины, равная 12 дюймам (30,48 см).
Шелонник — юго-западный ветер.

□

Андрей Яковлевич ФАРУТИН

родился в 1957 г. в Петрозаводске.

Окончил факультет журналистики

Ленинградского университета.

*Работал в периодических изданиях Карелии
и собственным корреспондентом московской*

«Независимой газеты».

Пишет стихи, прозу, публицистику.

Выпустил поэтический сборник «Источники света» (2007),

книгу публицистики «Зерна рода: опыт самоидентификации

русского карела — славянина и финно-угра» (2012).

Член Союза журналистов России с 1980 года.

Заслуженный журналист Республики Карелия.

